

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«КОНТРОЛЬ»

ВИКТОР СУВОРОВ АКВАРИУМ

Виктор Суворов
Аквариум
Роман о советской военной разведке

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, – любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 1982–2015.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2015 – издание на русском языке, оформление.

Когда на протяжении семи десятков лет унылые надсмотрщики советской литературы талдычили о социальном заказе и положительном герое, не веря ни одному своему слову, они и помыслить не могли, что можно написать такое. «Аквариум» Виктора Суворова – это признание в любви потомственного офицера своей армии. Посреди сегодняшнего плача и стонов чиновников и милиционеров, депутатов и генералов о том, что им чего-то не додали, не разрешили, эта веселая и злая, упругая и энергичная проза человека отважного потому и производит огромное впечатление. И не нужно производить раскопки на соседних полках и допытываться: а на кого он похож? Ни на кого. Сам на себя. Своей собственной школы человек.

Григорий Файман. Газета «Русская мысль». 7–13 мая 1993 г.

Суворов – яркий, ни на кого не похожий писатель. Он мастерски меняет сцены, внезапно разворачивает действие в неожиданном направлении, понижает тон повествования и вдруг доводит его до громового звучания в духе самой лучшей приключенческой классики... Не смотря на великолепие стиля, причины его побега остаются загадкой. В книге эти причины не нашли внятного объяснения.

London Review of Books о книге «Аквариум». 19 декабря 1985 г.

То, о чем рассказывает Суворов, не придумать. Хочет того автор или нет, книга убедительно доказывает, что советская разведка – лучшая в мире, и не просто лучшая – ее нельзя сравнивать ни с одной разведкой других стран.

Анатолий Гладилин, писатель. Газета «Новое русское слово». Нью-Йорк, 24 июня 1986 г.

Великолепно. «Аквариум» очарует всех, кто неравнодушен к приключениям, шпионажу, столкновениям характеров, к мужеству и храбрости.

Джон Баррон. Газета The New York Times. 10 июня 1986 г.

К сожалению, в «Аквариуме» нет ничего о жизни разведчиков. Каждый, кто ждет увлекательного повествования, будет разочарован книгой Суворова. «Аквариум» – это нудное сочинение о его карьере, он вспоминает факты из своей жизни, которые никому не интересны, кроме него самого. Книга может вызвать отклик только у тех, кто интересуется советской бюрократией и методами проталкивания разведкой своих людей или вопросом, как советские шпионы пьют водку после выполнения задания. (Они пьют стаканами, стараясь не пролить.)

Газета The Jerusalem Post. Иерусалим, 27 сентября 1986 г.

Художественное по форме, но убедительное по фактической основе повествование Суворова поражает.

Газета «Рабочая трибуна». 17 декабря 1991 г.

– Это и есть тот самый «Аквариум», так подробно описанный в одноименной книге Виктора Суворова?

– Да, этот дом, где вы сейчас сидите, наш бывший резидент называет «Аквариумом». Обратили внимание, здесь много стекла? Вообще-то он когда-то строился под госпиталь. Кстати, настоящая фамилия автора – Резун. Это наш полковник^[1], лет 11–12 назад сбежавший в Англию.

Заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР, начальник ГРУ генерал армии В. М. Михайлов. Интервью газете «Комсомольская правда». 23–31 августа 1991 г.^[2]

Литературный псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович... Что он за человек? В одной из аттестаций записано: самый младший на курсе, но успевает лучше своих коллег, собирает книги по военной тематике для личной библиотеки, имеет второй разряд по стрельбе из автомата Калашникова... Много в его

книге выдуманно именно для того, чтобы было захватывающе интересно при сохранении внешнего правдоподобия.

Заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, начальник ГРУ генерал-полковник Е. Л. Тимохин. «Красная звезда». 29 апреля 1992 г.

Биография капитана Резуна была безупречной, в его работе и поведении не отмечалось каких-либо настораживающих моментов. Резун во время обучения в Калининском суворовском военном, Киевском высшем общевойсковом командном училищах и в Военно-дипломатической академии Советской Армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. Никаких сигналов по линии 3-го управления КГБ СССР (военная контрразведка) и управления «К» КГБ СССР (контрразведка ПГУ) не поступало. В общении с товарищами и в общественной жизни производил впечатление архипатриота своей родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру... Служебные отношения складывались вполне благоприятно: незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до 3-го секретаря с соответствующим повышением оклада, в порядке исключения срок пребывания продлен еще на один год. По окончании командировки Резун знал, что его использование планируется в центральном аппарате ГРУ. В свои 27 лет окончил два высших военных учебных заведения, и для него открывалась перспективная карьера в центральном аппарате ГРУ. Отклонения в нормах поведения, психика, чрезмерные увлечения? Ничего подобного не отмечалось, внешне и внутренне выглядел как преданный Родине и воинскому долгу офицер.

Капитан 1-го ранга Валерий Калинин, начальник 3-го направления Первого управления ГРУ, временно исполнявший обязанности

резидента ГРУ в Женеве. «Независимая газета». 25 декабря 1993 г.

Резун вел себя подчеркнуто безупречно, многие даже после его побега давали ему положительную характеристику.

Генерал-полковник А. Павлов, первый заместитель начальника ГРУ «Красная звезда». 14 апреля 1993 г.

Перед нами уродливая личность, для которой ложь стала средством существования.

А. Л. Дмитриев, доктор технических наук, о Викторе Суворове. «Военно-исторический журнал». 1993. № 10

В его выпускной аттестации, кроме основного содержания написано, что он «является самым молодым по возрасту слушателем Военной академии Советской Армии. Военные дисциплины он знает лучше своих коллег. Увлекается сбором книг по военной тематике». Резун в самом деле был толковым парнем и хорошим аналитиком, работал в разведотделе штаба округа. Он ведь, по большому счету, неординарная личность и писатель неплохой.

Военный атташе при посольстве России в Украине полковник В. Безрученко. Газета «Время» (Украина). 12 мая 2001 г.

Суворов не историк. И не писатель. Он мелкий политикан, причем самого грязного пошиба. Пешка в ГРУ, он, перебежав на Запад, не смог даже никаких наших секретов продать – просто их не знал. Вот и стал выдумывать их на потребу клеветникам России.

В. Карпов, лауреат Государственной премии СССР, бывший Первый секретарь правления Союза писателей СССР. Еженедельник «Книжное обозрение». 9 мая 1995 г.

«Аквариум» читать было интересно. И мир перед нами открывался таинственно-неведомый, и описывался он сочно. Один из

нынешних работников ГРУ дал книге такую характеристику: «Все врет, стервец, но очень лихо. Я бы даже сказал – красиво».

«Правда». 18 февраля 1993 г.

Низколобый малограмотный перебежчик Резун-Суворов сочинил энциклопедию умственного убожества.

Владимир Бушин о книге «Аквариум». Газета «Советская Россия». 6 марта 1993 г.

Суворов очень хорошо пишет – интересно, остроумно. Он заслужил свою славу полностью.

Олег Гордиевский. «Литературная газета». 9 апреля 1997 г.

Самым большим преступлением государства против ветеранов Второй мировой и Великой Отечественной войн является разрешение на издание книг господина Резуна «Аквариум», «Ледокол» и тому подобного чтива.

Александр Розенбаум. Интервью газете «Приазовский рабочий». Февраль 1996 г.

Наиболее сильные чувства у своих бывших коллег вызывает майор Владимир Резун, сбежавший из Швейцарии в Англию в 1978-м. Связано это не только с тем, что его, в отличие от Пеньковского и Полякова, не удалось отдать под суд и расстрелять, сколько с опубликованной под псевдонимом Виктор Суворов книгой «Аквариум».

«Известия». 5 ноября 1998 г.

Фамилия автора «бестселлеров» «Аквариум», «Ледокол», «День М», «Освободитель» на слуху. Книги опять же на всех лотках, многочисленные офени ими в нос тычут <...> Пушкина нет, а Суворов – пожалуйста. Сегодня Резун читает лекции будущим английским офицерам. О чем, не ведаю. Может про то рассказывает, чему учили его в советской военной академии. Бог ему судья. И военный

трибунал. И если первый своего отношения к неопиту от разведки публично не выразил, то второй конкретно, хотя и заочно, приговорил к высшей мере.

Полковник Н. Н. Порошков. «Красная звезда». 27 апреля 1994 г.

«Московский комсомолец» посвятил юбилею ГРУ статью «“Аквариум” дает течь». В статье около десяти раз повторяется словечко «Аквариум», заимствованное у предателя В. Резуна, опубликовавшего под этим названием книгу, полную клеветы на военную разведку.

Генерал-майор И. Студеникин. «Красная звезда». 18 ноября 1998 г.

Читателя у нас погружают в «Аквариум», давят «Ледоколом». Сегодня в России над человеком, читателем в частности, идет бессовестный эксперимент. И указанные романы в нем участвуют. Им создают рекламу, заставляют читать. Это своего рода щуп для определения состояния нашего общества.

А. Афанасьев, писатель. «Красная звезда». 24 августа 1996 г.

«Аквариум», вернувшись из-за бугра, стал самиздатовским гимном Советской Армии.

Александр Никишин. Альманах «Конец века». 1991. № 2

Тане

Вместо предисловия

Разоблачители ищут – и находят – многочисленные несоответствия в биографиях Виктора Суворова, главного героя романа «Аквариум», и Владимира Резуна, реального человека.

В «Аквариуме» Виктор Суворов в пятнадцатилетнем возрасте торгует на базаре арбузами, а Владимира Резуна с одиннадцати лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун – в штабе Приволжского, в тайной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета капитаном, а приткий Резун – еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о подруге Виктора Суворова, звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Владимира Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии было положено еще как минимум один год проходить подготовку в разных управлениях ГРУ. Этот год проработал в центральном аппарате ГРУ и главный герой «Аквариума», а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубеж самым первым из всего выпуска, минуя год обязательной дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене, втором по значению центре мирового шпионажа, а Владимир Резун – в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у Виктора Суворова был один Навигатор, а в реальной жизни за время моей работы в Женеве сменились три резидента: двое были умными, третий – не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел на его похороны, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все – и начальники, и подчиненные. Полосатые

штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Мос-квы, и его первой должностью за рубежом, высшей из всех возможных, была должность резидента ГРУ в Женеве. Он провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу. И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун – с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Перерабатывая для романа «Аквариум» собственную биографию, я совершенно сознательно работал «на понижение». Никаких прямых совпадений в деталях биографий главного героя романа Виктора Суворова и автора романа Владимира Резуна и не должно было быть – напротив, я внимательно следил за тем, чтобы таких совпадений не было. *«Аквариум» – не обо мне, а о том, как работает советская военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур.* Если бы я назвал подлинные имена, места, даты и детали реальных событий и операций, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил действие романа во времени и пространстве, изменил имена и обстоятельства, чтобы невозможно было вычислить ни меня, ни моих коллег, ни нашу иностранную агентуру. Исключением стали лишь имена некоторых самых высокопоставленных советских военачальников и чиновников, личности и детали биографии которых широко известны и никогда не были секретом.

С особой осторожностью я писал об агентуре и о работе с ней. С моим уходом не был связан ни один шпионский процесс, никто не был арестован или осужден. Может быть, я плохо работал и ничего не знал? Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года, и в виде исключения был оставлен на четвертый год, а в виде особого исключения – на пятый.

«Аквариум», как и книгу «Рассказы освободителя», я опубликовал под псевдонимом и решил его никогда не раскрывать, чтобы никому не причинять неудобств. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал армии В. М. Михайлов. В интервью газете «Комсомольская правда» (23–31 августа 1991 г.) он сообщил: *«Настоящая фамилия автора [«Аквариума»] – Резун. Это наш полковник^[3], лет 11–12 назад сбежавший в Англию.»*

Пролог

– Закон у нас простой: вход – рубль, выход – два. Это означает, что вступить в организацию трудно, но выйти из нее еще труднее. Для всех членов организации предусмотрен только один выход из нее – через трубу. Для одних этот выход – с почетом, для других – с позором, но для всех нас есть только одна труба. Только через нее мы выходим из организации. Вот она, эта труба, – седой указывает мне на огромное, во всю стену, окно, – полюбуйся на нее.

С высоты девятого этажа передо мной открывается панорама огромного пустынного аэродрома, который тянется до горизонта. А если смотреть вниз, то прямо под ногами – лабиринт песчаных дорожек между упругими стенами кустов. Зелень сада и выгоревшая трава аэродрома разделены несокрушимой бетонной стеной с густой паутиной колючей проволоки на белых роликах.

– Вот она, – седой указывает на невысокую, метров в десять, толстую квадратную трубу над плоской смоленой крышей.

Черная крыша плывет по зеленым волнам сирени, как плот в океане или как старинный броненосец, низкобортный, с неуклюжей трубой. Над трубой вьется легкий прозрачный дымок.

– Это кто-то покидает организацию?

– Нет, – смеется седой, – труба – это не только наш выход, труба – источник нашей энергии, труба – хранительница наших секретов. Это просто сейчас жгут секретные документы. Знаешь, лучше сжечь, чем хранить. Спокойнее. Когда кто-то из организации уходит, то дым не такой, дым тогда густой, жирный. Если ты вступишь в организацию, то и ты в один прекрасный день вылетишь в небо через эту трубу. Но сейчас организация дает тебе последнюю возможность отказаться, последнюю возможность подумать о своем выборе. А чтобы у тебя было над чем подумать, я тебе фильм покажу.

Седой нажимает кнопку на пульте и усаживается в кресло рядом со мной. Тяжелые коричневые шторы с легким скрипом закрывают необъятные окна, и тут же на экране без всяких титров и вступлений появляется изображение. Фильм черно-белый, пленка старая и порядочно изношенная. Звука нет, и оттого отчетливее слышно стрекотание киноаппарата.

На экране высокая мрачная комната без окон, напоминающая цех или котельную. Крупным планом – топка с заслонками, похожими на ворота маленькой крепости, и направляющие желоба, которые уходят в топку, как рельсы в тоннель. Возле топки люди в серых халатах. Кочегары. Вот подают гроб. Так вот оно что! Крематорий. Тот самый, наверное, который я только что видел в окне. Люди в халатах поднимают гроб и устанавливают его на направляющие желоба. Заслонки печи плавно расходятся в стороны, гроб слегка подталкивают, и он несет своего неведомого обитателя в бушующее пламя.

А вот крупным планом камера показывает лицо живого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки. Лицо показывают со всех сторон бесконечно долго. Наконец камера отходит назад, показывая человека полностью. Он не в халате. На нем дорогой черный костюм, правда, совершенно измятый. Галстук на шее скручен в веревку. Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на ручки так, чтобы человек мог видеть топку.

Все кочегары вдруг повернулись к привязанному. Это внимание ему, видимо, совсем не понравилось. Он кричит. Он страшно кричит. Звука нет, но я знаю, что от такого крика дребезжат стекла. Четыре кочегара осторожно опускают носилки на пол, потом дружно поднимают их. Привязанный делает невероятное усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Титаническое напряжение лица. Вена на лбу вздута так, что готова лопнуть. Но попытка укубить руку кочегара не удалась. Зубы привязанного впиваются в собственную губу, и черная струйка крови бежит по подбородку. Острые у человека зубы,

ничего не скажешь. Его тело скручено крепко, но он извивается как пойманная ящерка. Его голова, подчиняясь животному инстинкту, мощными ритмичными ударами бьет о деревянную ручку, помогая телу. Привязанный бьется не за свою жизнь, а за легкую смерть. Его расчет понятен: раскачать носилки и упасть вместе с ними с направляющих желобов на цементный пол. Это будет или легкая смерть, или потеря сознания. А без сознания можно и в печь. Не страшно...

Но кочегары знают свое дело. Они просто придерживают ручки носилок, не давая им раскачиваться. А дотянуться зубами до их рук привязанный не сможет, даже если бы и лопнула его шея.

Говорят, что в самый последний момент своей жизни человек может творить чудеса. Подчиняясь инстинкту самосохранения, все его мышцы, все его сознание и воля, все стремление жить вдруг концентрируются в одном коротком рывке...

И он рванулся! Он рванулся всем телом! Он рванулся так, как рвется лиса из капкана, кусая и обрывая собственную окровавленную лапу.

Он рванулся так, что металлические направляющие желоба задрожали. Он рванулся, ломая собственные кости, разрывая жилы и мышцы. Он рванулся...

Но проволока была прочной.

И вот носилки плавно пошли вперед. Двери топки разошлись в стороны, озарив белым светом подошвы лакированных, давно нечищенных ботинок. Вот подошвы приближаются к огню. Человек старается согнуть ноги в коленях, чтобы увеличить расстояние между подошвами и бушующим пламенем. Но и это ему не удается. Оператор крупным планом показывает пальцы. Проволока туго впилась в них. Но кончики пальцев этого человека свободны. И вот ими он пытается тормозить свое движение. Кончики пальцев растопырены и напряжены. Если бы хоть что-то попало на их пути, то человек, несомненно, удержался бы. И вдруг носилки останавливаются у самой топки. Новый персонаж на экране, одетый

в халат, как и все кочегары, делает им знак рукой. И, повинувшись его жесту, они снимают носилки с направляющих желобов и вновь устанавливают у стенки на ручки.

В чем дело? Почему задержка?

Ах, вот в чем дело. В зал крематория на низкой тележке вкатывают еще один гроб. Он уже заколочен. Он великолепен. Он элегантен. Он украшен бахромой и каемочками. Это почетный гроб. Дорогу почетному гробу! Кочегары устанавливают его на направляющие желоба, и вот он пошел в свой последний путь. Теперь неимоверно долго нужно ждать, пока он сгорит. Нужно ждать и ждать. Нужно быть терпеливым...

А вот теперь, наконец, и очередь привязанного. Носилки вновь на направляющих желобах. И я снова вижу этот беззвучный вопль, который, наверное, способен срывать двери с петель. Я с надеждой вглядываюсь в лицо привязанного. Я пытаюсь найти признаки безумия на его лице. Сумасшедшим легко в этом мире. Но нет таких признаков на красивом мужественном лице. Не испорчено это лицо печатью безумия. Просто человеку не хочется в печку, и он это старается как-то выразить. А как выразишь, кроме крика? Вот он и кричит. К счастью, крик этот не увековечен. Вот лакированные ботинки в огонь пошли. Пошли, черт побери. Бушует огонь. Наверное, кислород вдувают. Два первых кочегара отскакивают в стороны, два последних с силой толкают носилки в глубину. Двери топки закрываются, и треск аппарата стихает.

– Он... кто? – я сам не знаю, зачем задаю такой вопрос.

– Он? Полковник. Бывший полковник. Он был в нашей организации. На высоких постах. Он организацию обманывал. За это его из организации исключили. И он ушел. Такой у нас закон. Силой в организацию мы никого не вовлекаем. Не хочешь – откажись. Но если вступил, то принадлежишь организации полностью. Вместе с ботинками и галстуком... Итак, я даю последнюю возможность отказаться. На размышление одна минута.

– Мне не нужна минута на размышление.

– Таков порядок. Даже если тебе и не нужна эта минута, организация обязана тебе ее дать. Посиди и помолчи, – седой щелкнул переключателем, и длинная худая стрелка, четко выбивая шаг, двинулась по сияющему циферблату.

А я вновь увидел перед собой лицо полковника в самый последний момент, когда его ноги уже были в огне, а голова еще жила: еще пульсировала кровь, еще в глазах светился ум, смертная тоска, жестокая мука и непобедимое желание жить. Если меня примут в эту организацию, я буду служить ей верой и правдой. Это серьезная и мощная организация. Мне нравится такой порядок. Но почему-то я наперед знаю, что если мне предстоит вылететь в короткую квадратную трубу, то никак не в гробу с бахромой и каемочками. Не та у меня натура. Не из тех я, которые с бахромой... Не из тех.

– Время истекло. Тебе нужно еще время на размышление?

– Нет.

– Еще одна минута?

– Нет.

– Что ж, капитан. Тогда мне выпала честь первым поздравить тебя со вступлением в наше тайное братство, которое именуется Главное разведывательное управление Генерального штаба, или сокращенно ГРУ. Тебе предстоит встреча с заместителем начальника ГРУ генерал-полковником Мещеряковым и визит в Центральный Комитет к генерал-полковнику Лемзенко. Я думаю, ты им понравишься. Только не вздумай хитрить. В данном случае лучше задать вопрос, чем промолчать. Иногда в ходе наших экзаменов и психологических тестов такое покажут, что вопрос сам к горлу подступает. Не мучь себя. Задай вопрос. Веди себя так, как вел себя сегодня здесь, и тогда все будет хорошо. Успехов тебе, капитан.

Глава 1

1

Если вам захотелось работать в КГБ, езжайте в любой областной центр. На центральной площади всенепременно статуя Ленина стоит, а позади нее обязательно окажется огромное здание с колоннами – это областной комитет коммунистической партии. Где-то тут рядом и областное управление КГБ. Тут же, на площади, любого спросите, вам любой покажет: да вон то здание, серое, мрачное, да, да, именно на него Ленин своей железобетонной рукой указывает. Но можно в областное управление и не обращаться, можно в дверь Особого отдела по месту работы постучать. Тут вам тоже каждый поможет: прямо по коридору и направо, дверь черной кожей обита. Можно стать сотрудником КГБ и проще. Надо к особисту обратиться. Особист на каждой захудалой железнодорожной станции есть, на каждом заводе, а бывает, что и в каждом цеху. Особист есть в каждом полку, в каждом институте, в каждой тюрьме, в каждом партийном комитете, в конструкторском бюро, а уж в комсомоле, профсоюзах и общественных организациях их множество. Подходи и говори: хочу в КГБ! Другой вопрос – примут или нет (ну конечно же, примут!), но дорога в КГБ открыта для всех, и искать эту дорогу совсем не надо.

А вот в ГРУ попасть не так легко. К кому обратиться? У кого совета спросить? В какую дверь стучать? Может, в милиции поинтересоваться? В милиции плечами пожмут: нет такой организации.

В Грузии милиция даже номерные знаки выдает с буквами ГРУ, не подозревая, что буквы эти могут иметь некий таинственный смысл. Едет такая машина по стране – никто не удивится, никто вслед не

посмотрит. Обычному человеку, как и всей советской милиции, эти буквы ни о чем не говорят и никаких ассоциаций не вызывают. Не слышали обычные граждане о такой организации, и милиция никогда не слышала.

В КГБ миллионы добровольцев, в ГРУ их нет. В этом и состоит главное отличие. ГРУ – организация секретная. О ее существовании широкие народные массы не осведомлены, оттого и не рвется никто сюда по своей инициативе. Но, допустим, нашелся некий доброволец, каким-то образом нашел он ту дверь, в которую стучать надо, примите, говорит. Примут? Нет, не примут. Добровольцы ГРУ не нужны. Добровольца немедленно арестуют, и ждет его тяжелое, мучительное следствие. Много будет вопросов. Где ты эти три буквы услышал? Как ты нас найти сумел? Но, главное, кто помог тебе? Кто? Кто? Кто? Отвечай, сука!

Правдивые ответы ГРУ вырывать умеет. Ответ из любого вырвут. Это я вам гарантирую. ГРУ обязательно найдет того, кто добровольцу помог. И снова следствие начнется: а тебе, падла, кто эти буквы назвал? Где ты их услышал? Долго ли, коротко ли, но найдут и первоисточник. Им окажется тот, кому тайна доверена, но у кого длина языка превышает установленные стандарты. О, ГРУ умеет такие языки вырывать. ГРУ такие языки вместе с головами отрывает. И каждый попавший в ГРУ знает об этом. Каждый попавший в ГРУ бережет свою голову, а сберечь ее можно, только следя за языком. О ГРУ можно говорить только внутри ГРУ. Говорить можно так, чтобы голос твой не услышали за пределами стен величественного здания на Хорошёвке. Каждый попавший в ГРУ свято чтит закон Аквариума: все, о чем мы говорим внутри, пусть внутри и останется, пусть ни одно наше слово не выйдет за эти стены.

И оттого, что такой порядок существует, мало кто за пределами Аквариума знает о том, что происходит внутри. А тот, кто знает, тот молчит. И из-за того, что все знающие молчат, лично я о ГРУ никогда ничего не слышал.

Был я ротным командиром. После освободительного похода в Чехословакию ураган перемещений подхватил меня и бросил в 318-ю мотострелковую дивизию 13-й армии Прикарпатского военного округа. Я получил под командование вторую танковую роту в танковом батальоне 910-го мотострелкового полка. Рота моя успехами не блистала, но и в отстающих не числилась. Жизнь свою я видел на много лет вперед: после роты – начальником штаба батальона, после этого надо будет прорваться в Бронетанковую академию имени маршала Малиновского, потом будет батальон, полк, может быть, что и повыше. Отклонения могли быть только в скорости движения, но не в направлении. Направление я выбрал себе однажды на всю жизнь и менять его не собирался. Но судьба распорядилась иначе.

13 апреля 1969 года в 4 часа 10 минут утра тронул меня осторожно за плечо мой посыльный:

– Вставайте, товарищ старший лейтенант, вас ждут великие дела. – Тут же, сообразив, что спросонья я к шуткам не расположен, он, сменив тон, коротко объявил: – Боевая тревога!

Собрался я за три с половиной минуты: одеяло в сторону, на себя – брюки, носки, сапоги. Гимнастерку – через голову, не застегивая, это на ходу сделать можно. Теперь портупею на самые последние дырочки затянуть, командирскую сумку через плечо и фуражку на голову. Ребром ладони – по козырьку: совпадает ли кокарда с линией носа. Вот и все сборы. И бегом вперед. Мой пистолет в комнате дежурного по полку хранится. Пистолет я на входе из огромного сейфа схвачу. А мой вещмешок, комбинезон, теплая куртка и шлем всегда в танке. Бегом по лестнице вниз. Эх, в душ бы сейчас да щеки бритвой поскоблить. Но не время. Боевая тревога! Тупорылый ГАЗ-66 уже почти полон: всё молодые офицерики да их посыльные, которые и того моложе.

А в небе уже звезды тают. Они уходят тихо, не прощаясь, как уходят из нашей жизни люди, воспоминания о которых сладкой болью тревожат наши черствые души.

Гремит парк, ревет парк боевых машин сотнями двигателей. Серая мгла кругом да копоть солярная. Рычат потревоженные танки. По грязной бетонной дороге ползут серо-зеленые коробки, выстраиваются в нескончаемую очередь. Впереди широкогрудые плавающие танки разведывательной роты, вслед за ними – бронетранспортеры штаба полка и роты связи, потом танковый батальон, дальше, за поворотом, три мотострелковых батальона вытягивают колонны, за ними артиллерия полковая, зенитная да противотанковая батареи, саперы, химики, ремонтники. Тыловым подразделениям и места нет в громадном парке. Они свои колонны вытягивать начнут, когда головные подразделения далеко вперед уйдут.

Бегу я вдоль колонны машин к своей роте. А командир полка материт кого-то от всей души. Начальник штаба полка с командирами батальонов ругается, криком сотни двигателей перекрывает. Я бегу. И другие офицеры бегут. Скорее, скорее. Вот она, рота моя. Три танка – первый взвод, три – второй, еще три – третий. А командирский мой танк впереди. Вся десятка на месте. И уж слышу я все свои десять двигателей. Из общего рева их выделяю. У каждого двигателя свой нрав, свой характер, свой голос. И не фальшивит ни один.

Для начала неплохо. Перед своим танком учащаю шаги, резко прыгаю и по наклонному лобовому броневому листу взбегаю к башне. Командирский люк открыт, радист протягивает мне шлем, уже подключенный к внутренней связи. Шлем из мира грохота и рева переносит меня в мир тишины и спокойствия. Но наушники оживают мгновенно, разрушая зыбкую иллюзию тишины. Сидящий рядом радист по внутренней связи (иначе пришлось бы орать на ухо) докладывает последние указания. Все о пустяках. Я его главным

вопросом обрываю: война или учения? «Хрен его знает», – жмет он плечами.

Как бы там ни было, моя рота к бою готова, и ее надо немедленно выводить из парка, – таков закон. Скопление сотен машин в парке – цель, о которой наши враги мечтают. Я вперед смотрю. А разве увидишь что? Первая танковая рота впереди меня стоит. Наверное, командир еще не прибыл. Все остальные впереди тоже ждут. Я на крышу башни вскакиваю. Так виднее. Похоже на то, что в разведывательной роте танк заглох, загородив дорогу всему полку. Я на часы смотрю. Восемь минут нашему командиру полка осталось, батю нашему. Если через восемь минут колонны полка не тронутся, с командира полка погоны сорвут и выгонят из армии без пенсии, как старого пса. А к голове колонны ни один тягач из ремонтной роты сейчас не пробьется: вся центральная дорога, стиснутая серыми угрюмыми гаражами, забита танками от края до края. Я на запасные ворота смотрю. Дорога к ним широкой канавой перерезана: там кабель какой-то или трубу начали прокладывать.

Я в люк прыгаю и водителю во всю глотку: «Влево, вперед!» И тут же всей роте: «Делай как я!» А влево ворот нет никаких. Влево – стенка кирпичная между длинными блоками ремонтных мастерских. В командирском танке – лучший в роте водитель. Так установлено задолго до меня, и во всей армии. Я ему по внутренней связи ору: «Ты в роте лучший! Я тебя, прохвоста, выбрал. Я тебя, проходимца, высшей чести удостоил – командирскую машину беречь да ласкать. Не посрами выбора командирского! Сокрушу, сгною!»

А водителю моему отвечать некогда: на совсем коротком отрезке разгоняет он броневое монстра, перебрасывая передачи выше да выше. Страшен удар танком по стене кирпичной. Дрогнуло все у нас в танке, зазвенело, заныло. Кирпич битый лавиной на броню обрушился, ломая фары, антенны, срывая ящики с инструментами, калеча внешние топливные баки. Но взревел мой танк и, окутанный паутиной колючей проволоки, вырвался из кирпичной пыли на сонную улочку тихого украинского городка. Я в задний триплекс

смотрю: танки роты моей пошли в пролом за мной весело да хулиганисто. К пролому дежурный по парку бежит. Руками машет. Кричит что-то. Рот разинут широко. Да разве услышишь, что он там кричит. Как в немом кино, по мимике догадываться приходится. Полагаю, что матерится дежурный. Шибко матерная мимика. Не спутаешь.

Когда десятый танк моей роты через пролом выходил, там уж регулировщики появились: форма черная, портупеи и шлемы белые. Эти порядок наведут. Эти знают, кого первым выпускать. Разведку – вот кого. В каждом полку есть особая разведрота с особой техникой, с особыми солдатами и офицерами. Но кроме нее в каждом мотострелковом и танковом батальоне полка подготовлено еще по одной роте, которые ни особой техники, ни особых солдат не имеют, но и они могут использоваться для ведения разведки.

Вот эти роты и нужно выпускать вперед. Нас, белые шлемы, выпускайте! Нам сейчас далеко вперед вырваться надо.

3

Смотришь на роты в дивизии или в полку – все они одинаковы для постороннего взгляда. Ан нет! В каждом батальоне первая рота и есть первая. Какие ни есть плохие солдаты в батальоне, а самых лучших из них комбат в первую роту собирает. И если нехватка офицеров, то свежее офицерское пополнение обязательно первой роте отдадут. Потому как первая рота по главной оси батальона всегда идет. Она первая с врагами лбами сшибается. А от завязки боя и его исход во многом зависит.

Вторая рота в любом батальоне – средняя. Офицеры во вторых ротах без особых отличий, вроде меня, и солдаты тоже. Зато каждая вторая рота имеет дополнительную разведывательную подготовку. У нее вроде как смежная профессия есть. Прежде всего она тоже боевая рота, но если потребуются, то она может вести разведку в

интересах своего батальона, а может и в интересах полка работать, заменяя собой или дополняя особую полковую разведроту.

В Советской Армии 2400 мотострелковых и танковых батальонов. И в каждом из них третья рота – не только по номеру третья. В третьих ротах обычно служат те, кто ни в первые, ни во вторые роты не попал: совсем молодые, неопытные офицеры или перезрелые, бесперспективные. Солдат в третьих ротах всегда не хватает. Более того, на территории Союза третьи роты, в подавляющем большинстве, вообще солдат не имеют. Техника их боевая постоянно на консервации стоит. Война начнется – тысячи этих рот дополнят резервистами и быстро поднимут до уровня обычных боевых подразделений. В этой системе – глубокий смысл: добавить в дивизию резервистов в тысячу раз лучше, чем формировать новые дивизии целиком из резервистов.

Моя вторая танковая рота стремительно уходит вперед. На повороте я оглядываюсь и считаю танки. Пока скорость выдерживают все. Прямо за последним танком моей роты, высекая искры из бетона, не отставая, идет гусеничный бронетранспортер с белым флажком.

И у меня от сердца отлегло. Маленький белый флажок означает присутствие посредников. А их присутствие, в свою очередь, означает учения, но не войну. Значит, проживем еще.

А надо мною вертолет-стрекоза. Вниз скользит. Разворачивается и заходит прямо против ветра, чтоб не снесло его. С правого борта завис. Я на крыше башни. Рука правая над головой. Пилот рыжий совсем. Лицо, как сорочье яйцо, веснушками изукрашено. А зубы – снег. Смеется. Знает он, вертолетный человек, что тем ротным, кому он сейчас приказывает развез, денек выпал не из лучших. Вертолет тут же вверх взмывает, в сторону уходит. Только рыжий пилот смеется. Только зубы его блестят, лучи восходящего светила отражая.

Танк мой ревущий вселенную пополам режет, и то, что единым было впереди, распадается надвое. И летят перелески справа и слева. Грохот внутри адский. Карта на коленях. И многое становится ясным. Дивизию в прорыв бросили, и идет она стремительно на запад. Только где противник – не ясно. Ничего об этом карта не говорит. И оттого впереди дивизии рвутся два десятка разведывательных, танковых и мотострелковых рот, и моя – в их числе. Роты эти – как растопыренные пальцы одной ладони. Их задача – нащупать самое уязвимое место в обороне противника, на которое командир дивизии обрушит свой тысячетонный кулак. Уязвимое место противника ищут на огромных пространствах, и поэтому каждая из высланных вперед рот идет в полном одиночестве. Знаю я, что идут где-то рядом такие же роты, лихо и стремительно обходя очаги сопротивления, деревни и города. И моя рота тоже в изнурительные стычки не ввязывается: встретил противника, сообщил в штаб и обходи. Скорее обходи и снова вперед. А где-то вдали главные силы, как ревущий поток, прорвавший плотину. Вперед, ребята, вперед, на запад!

А бронетранспортер с белым флагом не отстает. Он, проклятый, вдвое легче танка, а силищи в нем почти столько же. Пару раз пытался я оторваться: мол, высокие скорости – залог победы. Но не выгорело. Когда взводом командовал, то такие вещи вполне проходили, но с ротой не пройдет. Разорвешь колонну, танки по болотам порастеряешь. За это не жалуют, за это с роты снимают. Черт с вами, думаю, проверяйте на здоровье, а роту я растягивать не буду...

– Кран впереди! – кричит по радио командир шестого танка, высланного вперед.

Кран? Подъемный? Точно! Кран! Весь зелененький, стрела для маскировки ветками облеплена. Где на поле боя можно кран увидеть? Правильно! В ракетной батарее! Каждый ли день такая удача!

– Рота! – ору. – Ракетная батарея! К бою... Вперед!

А уж мои ребята знают, как с ракетными батареями расправляться. Первый взвод, обгоняя меня, рассыпается в боевую линию. Второй, резко увеличивая скорость, уходит вправо и, бросая в небо комья грязи из-под гусениц, несется вперед. Третий взвод уходит влево, огромным крюком охватывая батарею с фланга.

– Скорость! – рычу.

А водители это и без меня понимают. Знаю, что у каждого водителя сейчас правая нога уперлась в броневой пол, вжав педаль до упора. И оттого двигатели взвыли непокорно и строптиво. И оттого рев такой. И оттого копоть невыносимая: топливо не успевает сгорать в двигателях полностью, и жутким напором газа его выбрасывает через выхлопные горловины.

– Разведку прекращаю... Квадрат... Тринадцать сорок один... Стартовая позиция... Принимаю бой... – это мой радист-заряжающий кричит в эфир наше, может быть, последнее послание. Ракетные подразделения и штабы противника должен атаковать каждый при первой встрече, без всяких на то команд, каковы бы ни были шансы, чего бы это ни стоило.

Заряжающий щелчком обрывает связь и бросает первый снаряд на досылатель. Снаряд плавно уходит в казенник, и мощный затвор, как нож гильотины, дробящим сердце ударом запирает ствол. Башня плывет в сторону, а под моими ногами полетела влево спина механика-водителя и боеукладка со снарядами. Казенник орудия, вздрогнув, плывет вверх. Наводчик вцепился руками в пульт прицела, и мощные стабилизаторы, повинувшись его корявым ладоням, легкими рывками удерживают орудие и башню, не позволяя им следовать бешеной пляске танка, летящего по пням и корягам. Большим пальцем правой руки наводчик плавно давит на спуск. С тем, чтобы страшный удар не обрушился на наши уши внезапно, во всех шлемофонах раздается резкий щелчок, заставляя барабанные перепонки сжаться, встречая всесокрушающий грохот выстрела сверхмощной пушки. Щелчок в шлемофонах опережает выстрел на сотые доли секунды, и оттого мы не слышим самого выстрела.

Сорокатонная громада летящего вперед танка дрогнула. Орудийный ствол отлетел назад и со звоном изрыгнул дымящуюся гильзу. И тут же, вторя командирской пушке, бегло залаляли остальные. А заряжающий уже второй снаряд бросил на досылатель.

– Скорость! – ору я.

А грязь из-под гусениц фонтанами. А лязг гусениц даже громче пушечного грохота. А в шлемофонах новый щелчок – это наводчик снова на спуск давит. И снова мы своего собственного выстрела не слышим. Только орудие судорожно назад рванулось, только гильза страшно звенит, столкнувшись с отбойником. Мы слышим только выстрелы соседних танков. А они слышат наши. И эти пушечные выстрелы стегают моих доблестных азиатов словно плетью между ушей. И звереют они. Я каждого из них сейчас представить могу. В пятом танке наводчик между выстрелами резиновый налобник прицела от восторга грызет. Это не только в роте, во всем батальоне знают. Нехорошо это. Отвлекается он от наблюдения за обстановкой. Его за это даже чуть было в заряжающие не перевели. Но уж очень точно стреляет, прохвост. А в третьем танке в прошлый раз командир, включив рацию на передачу, забыл ее выключить, забивая всю связь в ротной сети. И вся рота слышала, как он скрежетал зубами и подвывал по-волчьи...

– Круши, – шепчу я, и шепот мой на тридцать километров радиоволны разносят, словно я каждому из своих милых свирепых азиатов это слово прямо в ушко нашептываю: – Круши-и-и-и!

А по ушам щелчок, и гильза снова звенит. Аромат у стреляных гильз дуращий. Кто тот ядовитый аромат вдыхал, тот зверел сладострастно. Круши!

От грохота, от мощи небывалой, от пулеметных трелей пьянеют мои танкисты. И не удержит их теперь никакая сила. Вот и водители всех танков словно с цепи сорвались: рвут рычаги ручищами своими грубыми, терзают машины свои, гонят их, непокорных, прямо в пекло. А я назад смотрю: не обошли бы с тылов. Далеко позади – бронетранспортер с белым флажком. Отстал, из сил выбился. Люди в

нем несчастные: нет у них такой пушки сверхмощной, нет у них грохота одуряющего, нет аромата пьянящего. Нет у них в жизни такого наслаждения боем, не познали они его. Оттого труслив их водитель, камни да пни осторожно обходит. А ты не бойся! А ты машину ухвати лапами, рви ее и терзай. Броневая машина – существо нежное. Но если почувствует машина на себе могучего седока, то озверевает и она. И понесет она тебя вскачь по валунам гранитным, по пням тысячелетних дубов, по воронкам и ямам. Не бойся гусеницы изорвать, не бойся торсионы переломать. Рви и круши, и понесет тебя танк, как птица. Он, танк, тоже боем упивается. Он рожден для боя. Круши!

– Выводи роту из боя...

Искры из-под гусениц. Влетела рота на позиции ракетной батареи. Скрежет в моих наушниках: то ли гусеницы по стальному листу лязгают, то ли наводчик мой зубами скрипит.

– Выводи роту из боя...

Чтоб не задеть друг друга, танки без всякой команды огонь прекратили, только режут, как волки, рвущие оленя на части. Бьют танки лбами своими броневыми хлипкие ракетные транспортеры, краны да пусковые установки, в жирный чернозем втапывают красу и гордость ракетных войск. Круши!

– Выводи роту из боя... – снова слышу я чей-то далекий скрипучий голос и вдруг понимаю, что это проверяющий ко мне обращается. Ах, черт! Да кто же в такой момент наивысшего, почти сексуального блаженства людей от любимого занятия отрывает? Проверяющий, твою мать, ты же моих жеребцов в импотентов превратишь! Кто тебе право дал портить великолепную танковую роту? Ты враг народа или буржуазный вредитель? Куль тебе в зубы! Рота, круши! И, треснув кулаком по броне, выматерив в открытый эфир всю штабную сволочь, которая порохового дыма по своим канцеляриям не нюхала, я командую:

– Роте боевой отбой! Влево на поляну повзводно марш!

Мой водитель в сердцах рвет левый рычаг до упора, отчего танк всей массой своей почти опрокидывается вправо, ломая красавицу березу. Мастерски водитель перебрасывает передачи почти с секундным перерывом и, добравшись до верхней, гонит броневого монстра вперед, через кусты и глубокие ямы, прямо на поляну. Лихо развернувшись, он снижает обороты почти до нуля, и машина замирает на месте, бросив нас резко вперед, как при внезапном торможении самолета в самом конце разбега. Остальные танки с разочарованным ревом один за другим вырываются из леса и, судорожно тормозя, выстраиваются в четкую линию.

– Разряжай! Оружие к осмотру! – подаю команду и вырываю шнур шлемофона из разъема, а заряжающий щелчком вырубает всю связь.

5

Бронетранспортер с проверяющими далеко отстал. Пока он доковылял до роты, я успел проверить вооружение, получил рапорта о состоянии машин, о расходе топлива и боеприпасов, построил роту и замер посредине поляны в готовности рапортовать.

Стою, в уме плюсы и минусы подсчитываю: за что меня похвалить могут, а за что наказать. Рота из парка начала выход на восемь минут раньше срока – за это хвалят, за это иногда командиру роты и золотые часики подбросить могут. В начале войны счет на секунды идет. Все танки, все самолеты, все штабы должны рывком из-под удара выйти. Тогда первый, самый страшный удар противника по пустым военным городкам ляжет. Восемь минут! Тут мне плюс несомненный. Все танки мои исправны, и весь день таковыми оставались. Это моему зампотеху плюс. Жаль, что из-за нехватки офицеров нет у меня в роте зампотеха. Я сам за него работаю. Опорные пункты мы обходили крутым маневром, вовремя и четко сообщая о них. Это плюс командиру первого взвода. Жаль, что и его в роте нет: опять же нехватка. Ракетную батарею не проморгали, не

пропустили, унюхали, в землю ее втоптали. А ракетная батарея, даже самая захудалая, может пару Хиросим сотворить. Прекратив разведку и бросив свои коробки против ракет, я эти самые Хиросимы предотвратил. За такое на войне и орденом пожаловать могут, а на учениях хвалят долго...

А вот и проверяющий полковник. Ручки белые, чистенькие, сапожки блестят. Лужи он брезгливо обходит, как кот, чтобы лапки не испачкать. Командир полка, батя наш, тоже полковник, да только ручищи у него мозолистые, как у палача, к тяжелому труду его ручищи приучены. А рожа у нашего бати обожжена морозом, солнцем и ветрами всех известных мне полигонов и стрельбищ, не в пример бледному личику проверяющего полковника.

– Равняйся! Смирно! Равнение направо!

Но проверяющий рапорта моего не слушает, он меня на полуслове обрывает:

– Увлекаетесь, старший лейтенант, в бою! Как мальчишка!

Я молчу. Я улыбаюсь ему: вроде он не ругает меня, а медаль на грудь вешает. А он от моей улыбки еще пуще свирепеет. Свита его угрюмо молчит. Знает свита, что Дисциплинарный Устав запрещает ругать меня в присутствии моих подчиненных. Знают майоры и подполковники, что, ругая меня в присутствии моих подчиненных, полковник не мой командирский авторитет подрывает, а авторитет всего офицерского состава доблестной Советской Армии, и в том числе собственный полковничий авторитет. А мне вроде бы и ничего. Я улыбаюсь.

– Это позорно, старший лейтенант, не слышать команд и не выполнять их.

Эх, полковник, а я бы на орудийных стволах вешал тех, кто в бою не увлекается, кого запах крови не пьянит. Это учения, а кабы в настоящем бою гусеницы наших танков были перепачканы настоящей кровью, так мои азиаты славные еще бы и не так распалились. Да только это не слабость. Это их сила. Их никто в мире остановить бы не смог.

– И еще со стенкой! Вы же стенку в парке поломали! Это преступление!

Про стенку я и думать забыл. Велика беда. Ее уж, наверно, восстановили. Долго ли? Пригони с губы десяток арестантов, они за пару часов новую стенку сложат. И откуда мне, полковник, знать, учения это были или война? Кто это во время тревоги знать может? А если война, и стенка целой осталась бы, а две тысячи человек и сотни великолепных боевых машин все в одной куче сгорели? Ась, полковник? Высокую должность ты занимаешь, именуешься начальником разведки 13-й армии, так поинтересуйся, сколько мои азиаты за день целей вскрыли. Они и по-русски толком не говорят, а цели вскрывают безошибочно. Похвали их, полковник! Не мне, так хоть им улыбнись. И я улыбаюсь ему. К роте своей я спиной сейчас стою, и повернуться мне к ней лицом никак нельзя. Только я и так знаю, что вся моя рота сейчас улыбается. Просто так, без всякой причины. Они у меня такие, они в любой обстановке зубы скалят.

А полковнику это не нравится. Он, наверное, думает, что мы над ним смеемся. Озверел полковник. Зубами скрежещет, как наводчик в бою. Наши улыбки он понять и оценить не способен. И оттого он кричит мне в лицо:

– Мальчишка! Вы недостойны командовать ротой! Я вас отстраняю! Сдайте роту заместителю, пусть он ведет роту в казармы!

– Нет у меня сейчас заместителя, – улыбаюсь я ему.

– Тогда командиру первого взвода!

– И его нет, – и, чтобы полковнику всех командиров нижестоящих не перечислять, объясняю: – Один я в роте офицер.

Полковник угас. Пыл с него сошел. Сошел, вроде и не было его. Ситуация, когда в роте только один офицер, в нашей армии, особенно на территории Союза, почти стандартная. Офицерами быть много желающих, да только все полковниками быть хотят. А лейтенантский старт мало кого влечет. И оттого нехватка на самом низу. Нехватка офицеров жестокая. Но там, наверху, в штабах, об этом как-то забывается. Вот и сейчас полковник просто не подумал,

что я могу быть единственным офицером на всю роту. Меня от командования отстранил, у него на это право есть. Но роту надо возвращать в казармы. А гнать роту, да еще танковую, одну, без офицеров, на десятки километров нельзя. Это преступление. Это непременно расценят как попытку государственного переворота. Тут тебе, полковник, исход летальный. Если уж ты отстранил командира в обстановке, когда у него нет заместителей, то этим самым ты роту под свою персональную ответственность принял и никому эту роту доверить не имеешь права. Если бы такое право предоставили, то каждый командир дивизии мог бы вывести войска в поле, сместить командиров, заменить их теми, кто ему подходит, и – переворот. Но нет у нас переворотов, ибо не каждый допущен к деликатному вопросу подбора и расстановки командирских кадров. Снимать – твое право. Снимать легко. Снимать любой умеет. Это так же легко, как убивать. Но возвращать командиров на их посты так же трудно, как мертвых живыми делать. Ну что, полковник, думаешь меня вновь на роту поставить? Не выйдет. Недостоин я. И все это слышали. Не имеешь права ставить на роту недостойного. А если наверху узнают, что ты вблизи государственной границы снимал с танковых рот законных командиров и на их место недостойных ставил? Что с тобой будет? Ась? То-то.

Тут бы полковнику с командиром моего батальона или полка связаться: мол, заберите свою беспризорную роту. Но кончились учения. Кончились так же внезапно, как и начались. Кто же позволит боевой связью после учений пользоваться? Тех, кто допускал такие вольности, в 1937 году перестреляли. После того никому не повадно такими вещами баловаться. Ну что же, полковник? Ну, веди роту. А может быть, ты уж и забыл, как ее водить? А может быть, никогда ее и не водил? Рос в штабах. Таких полковников множество. Любое занятие со стороны пустяковым кажется. И роту танковую вести тоже несложно. Да только команды нужно подавать именно так, как они в новом уставе записаны. Люди в моей роте русский язык плохо знают, могут не понять. Хуже, если поймут, да не так. Тогда их и на

вертолете по лесам и болотам не сыщешь. Тяжел танк, иногда на человека наехать может, под мост провалиться, в болоте может утонуть.

А расплата всегда одна и та же.

Я не улыбаюсь больше. Ситуация серьезная, и смеяться незачем. Мне бы самое время ладонь к козырьку: разрешите идти, товарищ полковник? Все равно я тут теперь посторонний, не командир и не подчиненный. Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте. Захотелось покомандовать, вот, товарищ полковник, и командуйте. Но злость и злорадство во мне быстро погасли. Рота родная, люди мои, машины мои. За роту я больше не отвечаю, но и не брошу ее просто так.

– Разрешите, товарищ полковник, – бросаю ладонь к шлему, – последний раз роту провести. Вроде как попрощаться с ней.

– Да, – коротко соглашается он.

На одно мгновение показалось мне, что по привычке хочет он обычное наставление дать: мол, не гони, не увлекайся, колонну не растягивай. Но не сделал он этого. Может, у него и намерения такого не было, просто мне так показалось.

– Да, да, ведите роту. Считайте, что мой приказ еще в силу не вошел. Приведите роту в казарму, там ее и сдадите.

– Есть! – поворачиваюсь я резко кругом, замечая усмешки в свите полковника.

Как это так, «пока командуйте»? Понимает свита, что нет такого положения – «пока командуйте». Командир или достоин своего подразделения и полностью за него отвечает, или не достоин, и тогда его немедленно отстраняют. «Пока командуйте» – это не решение. И за такой подход может полковник дорого поплатиться. Мне это ясно, и свите его. Но не до этого мне сейчас. У меня дело серьезное. Я ротой командую. И нет мне дела до того, что и кто подумал, кто как поступил и как за это будет наказан.

Перед тем как первую команду подать, обязан командир свое подразделение воле своей подчинить. Обязан он глянуть на своих солдат так, чтобы по строю легкая зыбь побежала, чтобы замерли

они, чтобы каждый почувствовал, что сейчас командирская команда последует. А команды в танковых войсках беззвучны. Два флажка в моих руках. Ими я и командую.

Белый флажок резко вверх. Это первая моя команда. Жестом этим коротким и резким я своей роте длинное сообщение передал: «Ротой командую – я! Работу радиостанций на передачу до встречи с противником запрещаю! Внимание!» Команды бывают предварительные и исполнительные. Предварительной командой командир как бы ухватывает подчиненных железной уздой своей воли. И, натянув поводья, должен командир выждать пять секунд перед подачей главной команды. Должен строй застыть, ожидая ее, должен каждый почувствовать железные удила, должен каждый чуть вздрогнуть, должны мускулы заиграть, как перед хлестким ударом, должен каждый исполнительной команды ждать, как хорошая лошадь ждет удара плетью.

Красный флажок резко вверх, и оба – через стороны вниз. Дрогнула рота, рассыпалась, кованными сапогами по броне загрохотала.

Может, прощалась со мной рота, может, проверяющим выучку свою демонстрировала, может, просто злость разбирала, и никак эту злость по-другому выразить невозможно было. Ах, если бы секундомер кто включил! Но и без секундомера я в тот момент знал, что бьет моя рота рекорд дивизии, а может, и какой повыше. Знал я в тот момент, что много в свите полковника настоящих танкистов и что каждый сейчас моими азиатами любит. Много я сам видел рекордов в танковых войсках и знаю цену тем рекордам. Повидал я и руки поломанные, и зубы выбитые. Но везло моим ребятам в тот момент. И знал я как-то наперед, что не оступится ни один, не поскользнется, совершая немыслимый прыжок в люк. Знал я, что и пальцы никому не отдавит. Не тот момент.

Десять двигателей хором взвыли. Я в люке командирском. Теперь белый флажок вверх в моей руке означает: я – готов! И в ответ мне

девять других флажков: готов! Готов! Готов! Резкий круг над головой и четкий жест в сторону востока: следуй за мной!

Элементарно? Да!

Примитивно? Нет!

Просто все, но никакая радиоразведка не сможет обнаружить выдвижение даже четырех танковых армий одновременно. А против других видов разведки есть столь же простые, но неотразимые приемы. И потому мы всегда внезапно появляемся. Плохо или хорошо, но внезапно. Даже в Чехословакии, даже семью армиями одновременно.

Проверяющий полковник вскарабкался на свой бронетранспортер. Свита – за ним. Бронетранспортер взревел, круто развернулся и пошел в военный городок своей дорогой.

Свита полковника его явно ненавидит. В противном случае ему подсказали бы, что он должен идти прямо за моим танком. Я ведь теперь никто. Самозванец. Доверять мне роту – все равно как если бы начальник полиции доверил проведение ареста бывшему полицейскому, выгнанному с работы. Если уж тебе и пришла в голову такая идея, так хоть будь рядом, чтобы вовремя вмешаться. Если уж отдал роту кому-то, если не умеешь ею управлять, так хоть будь рядом, чтобы на тормоза вовремя нажать. Но не подсказал никто полковнику, что он жизнь свою в руки старшего лейтенанта отдал. А старший лейтенант, отстраненный от власти, может любую гадость сотворить, он в роте посторонний. Отвечать же тебе, полковник, придется.

Но, может быть, знали все в свите, что старший лейтенант роту приведет без всяких происшествий. Знали, что не будет старший лейтенант ломать полковничью судьбу.

А мог бы...

Так часто бывает – хлестнут дивизию плетью боевой тревоги, вырвется она на простор, а ее обратно возвращают. Глубокий смысл в этом. Так привычка вырабатывается. На настоящее дело пойдут дивизии как на обычные учения – без эмоций. А заодно и у противника бдительность теряется. Вырываются советские дивизии из своих военных городков часто и внезапно. Противник на это реагировать перестает.

Дороги танковыми колоннами забиты. Ясно, что отбой дали всей дивизии одновременно. Кто знает, сколько дивизий сегодня по боевой тревоге было поднято, сколько их сейчас в свои военные городки возвращается! Может, одна наша дивизия, может, три дивизии, а может быть и пять. Кто знает, может, и сто дивизий были одновременно подняты.

У ворот военного городка оркестр гремит. Командир полка нашего, батя, на танке стоит – свои колонны встречает. Глаз у него опытный, придирчивый. Ему взгляда одного достаточно, чтобы оценить роту, батарею, батальон и их командиров. Ёжатся командиры под свинцовым батиным взглядом. Здоровенный он мужик, портупея на нем на последние дырочки застегнута, еле сходится. А голенища его исполинских сапог сзади разрезаны слегка, по-другому не натянешь их на могучие икры. Кулачище у него размером с чайник. И этим кулачищем он машет кому-то – наверное, командиру третьего мотострелкового батальона, бронетранспортеры которого сейчас втягиваются в прожорливую горловину ворот. Вот минометная батарея этого батальона прошла через ворота, и теперь моя очередь. И хотя я знаю, что все мои танки идут за мной, и хотя все равно мне теперь, идут они за мной или нет, ибо я им больше не командир, я в самый последний момент оглядываюсь: да, все идут, не отстал ни один. Командиры всех танков ловят мой взгляд. А я снова резко вперед поворачиваюсь, правую ладонь к черному шлему бросаю, и командиры всех остальных девяти танков четко повторяют это древнее воинское приветствие.

Командир полка все еще кричит что-то обидное и угрожающее вслед колонне третьего батальона и, наконец, поворачивает свирепый взгляд свой на мою роту. Горилла лесная, атаман разбойничий, кто твой взгляд выдержать может? Встретив взгляд его, я вдруг неожиданно для себя самого принимаю решение этот многотонный взгляд выдержать. А он кулачище свой разжал, ладонь широченную, как лопата – к козырьку. Не каждому батя на приветствие приветствием отвечает. И не ждал я этого. Хлопнул глазами, заморгал часто. Танк мой уж прошел мимо него, а я голову назад – на командира смотрю. А он вдруг улыбнулся мне. Роба у него черная, как негатив, и оттого улыбка его белозубая всей моей роте видна и, наверное, гаубичной батарее, которая следом за мной идет, которую он сейчас кулачищем своим приветствовать будет.

Эх, командир! Не знаешь ты, что я не ротный уже. Сняли меня, командир, с роты. Сняли с позором. Вроде как публично высекли. Это, командир, ничего. Думаешь, скулить буду? Да никогда в жизни. Я улыбаться буду. Всегда. Всем назло. Радостно и гордо. Вот как тебе сейчас, командир, улыбаюсь. Роту я скоро новую получу. Нехватка офицеров, сам знаешь. Жаль только с моими азиатами расставаться. Уж очень хорошие ребята подобрались. Ну, ничего, переживем. С меня и того достаточно, что полк вовремя по тревоге выход начал, что ты, командир, с полка не слетел. Стой тут и маши своим кулачищем. На то ты тут и поставлен. И не надо нам никакого другого командира в полку. Мы, командир, нрав твой крутой прощаем. И, если надо, пойдём за тобой туда, куда ты нас поведешь. И я, командир, пойду за тобой, пусть не ротным, так взводным.

А могу и простым наводчиком.

7

По возвращении боевой машины в парк что должно быть сделано в первую очередь? Правильно. Машина должна быть заправлена.

Исправная или поломанная, но заправленная. Кто знает, когда новая тревога грянет? Каждая боевая машина должна быть готова повторить все сначала и в любую минуту. И оттого опять гудит парк. Сотни машин одновременно заправляются. Каждому танку – минимум по тонне топлива. И броне-транспортеры прожорливы. И артиллерийские тягачи. И все транспортные машины заправки требуют.

Заправив машину топливом и маслом, пополняй боекомплект. Снаряды танковые по тридцать килограммов каждый. Сотни их подвезли. Каждая пара снарядов – в отдельном ящике. Каждый ящик нужно с транспортной машины аккуратно спустить. Аккуратно – потому как может грохнуть. Снаряды из ящиков вытащим, осмотрим, чтоб без повреждений были, упаковку с каждого снимем, заводскую смазку сотрем, и – в танк его.

Патроны – тоже в ящиках. В каждом – две запаянных цинковых коробки по 440 штук. Патроны нужно в ленты снарядить. В ленте пулеметной 250 патронов. Потом ленты нужно в магазины заправить. В каждом танке 13 магазинов. Теперь все стреляные гильзы нужно собрать, уложить в ящики, сдать на склад. Стволы позже чистить будем. По очереди, всем взводом каждый танковый ствол, по многу часов каждый день, повторяя много дней подряд. Но сейчас пока стволы маслом зальем. А вот теперь танки нужно помыть. Это грубая мойка. Основная мойка и чистка будет потом.

Теперь бойцов нужно накормить. Обед не было сегодня, потому обед совмещен с ужином. После ужина всех на техническое обслуживание. К утру все проверить нужно: двигатели, трансмиссии, подвеску, ходовую часть. В четвертом танке торсион поломан на левом борту. В восьмом оборачивающийся редуктор барахлит. А в первой танковой роте два двигателя сразу менять будут.

Спать сегодня ни роте моей, ни батальону, ни полку, ни всей дивизии много не выгорит. Кто где сна кусочек урвет, тем и будьте довольны. Ибо с утра – общая чистка стволов. Чтобы все готово было! Сокрушу!

И вдруг чувствую пустоту под сердцем. И вдруг вспомнил я, что не придется мне с утра в моей роте проверять качество обслуживания. Может быть, и не пустят меня завтра вообще в танковый парк. Знаю, что все документы на меня уже готовы и что официально снимут меня не завтра утром, а уже сегодня вечером. И знаю, что положено офицеру на снятие идти в блеске, не хуже, чем за орденом. И рота моя это знает. И потому пока я с заправщиками ругался, пока ведомости расхода боеприпасов сверял, пока под третий танк лазил, уже кто-то и сапоги мне до зеркального блеска отполировал, и брюки выгладил, и воротничок свеженький пришил. Сбросил я грязный комбинезон, и быстро в душ. Брился долго и старательно. А тут и посыльный из штаба полка.

8

Гремит парк. Через ворота разбитый бронетранспортер тягач тянет. Гильзы стреляные звенят. Гудят огромные «Уралы», доверху пустыми снаряженными ящиками набитые. Электросварка салютом брызжет. Все к утру должно блестеть и сиять. А пока грязь, грязь кругом, шум, грохот, как на великой стройке. Офицера от солдата не отличишь. Все в комбинезонах, все грязные, все матерятся. И идет среди этого хаоса старший лейтенант Суворов. И умолкают все. Чумазные танкисты вслед мне смотрят. Ясно каждому – на снятие старший лейтенант идет. Никто не знает, за что слетел он. Но каждый чувствует, что зря его снимают. В другое бы время и не заметили старшего лейтенанта в чужих ротах, а если и заметили, то сделали бы вид, что не заметили. Так бы в двигателях и ковырялись, выставив промасленные задницы. Но на снятие человек идет. И потому грязной пятерней под замусоленные пилотки приветствуют меня чужие, незнакомые танкисты. И я их приветствую. И улыбаюсь. И они мне улыбаются: мол, бывает хуже, крепись.

За стенами парка – военный городок. Каштаны в три обхвата. Новобранцы громко, но нестройно песню орут. Стараются, но неуклюжи еще. Лихой ефрейтор покрикивает. Вот и новобранцы меня приветствуют. Эти еще телята. Эти еще ничего не понимают. Для них старший лейтенант – это очень большой начальник, гораздо выше ефрейтора. А что как-то особенно сапоги у него блестят, так это, наверное, праздник у него какой-то...

Вот и штаб. Тут всегда чисто. Тут всегда тихо. Лестница мраморная. Румыны до войны строили. Ковры во всех коридорах. А вот и полуовальный зал, залитый светом. В пуленепробиваемом прозрачном конусе – опечатанное гербовыми печатями знамя полка. Под знаменем часовой замер. Короткий плоский штык дробит последний луч солнца, рассыпает его искрами по мрамору. Я приветствую знамя полка, а часовой под знаменем не шелохнется. Он ведь с автоматом. А вооруженный человек не использует никаких других форм приветствия. Его оружие и есть приветствие всем остальным.

Посыльный ведет по коридору к кабинету командира полка. Странно это. Почему не к начальнику штаба?

Стукнул посыльный в командирскую дверь. Вошел, плотно закрыв дверь за собой. Тут же назад вышел, молча уступив дорогу: входите.

За командирским дубовым столом незнакомый подполковник небольшого роста. Этого подполковника я сегодня в свите проверяющего полковника видел. Что за черт! Дивлюсь, где же батя, где начальник штаба? И почему подполковник в командирском кресле сидит? Неужели по своему положению он выше нашего бати? Ну конечно, выше. Иначе не сидел бы за его столом.

– Садитесь, старший лейтенант, – не слушая рапорта, предлагает подполковник.

Сел. На краешек стула. Знаю, что сейчас громкие слова последуют, и оттого вскочить придется. Оттого спина у меня прямая. Вроде в строю стою, на параде.

– Доложите, старший лейтенант, почему вы улыбались, когда вас полковник Ермолов с роты снимал.

Смотрю на подполковника, на свежий воротничок на уже не новой, но чистенькой и выглаженной гимнастерке. А что ответишь?

– Не знаю, товарищ подполковник.

– Жалко с ротой расставаться?

– Жалко.

– Рота твоя мастерски работала. Особенно в конце. А со стенкой все согласны: ее лучше сломать, чем полк под удар поставить. Стенку восстановить нетрудно...

– Ее уже восстановили.

– Вот что, старший лейтенант. Зовут меня подполковник Кравцов. Я начальник разведки тринадцатой армии. Полковник Ермолов, снявший тебя с роты, думает, что он начальник разведки. Но он смещен, хотя об этом еще не догадывается. На его место уже назначен я. Сейчас мы объезжаем дивизии. Он думает, что проверяет, а на самом деле это я дела принимаю, знакомлюсь с состоянием разведки в дивизиях. Все его решения и приказы никакой силы не имеют. Он распоряжается каждый день, а по вечерам я представляю свои документы командирам полков и дивизий, и все его приказы теряют всякую силу. Он об этом не догадывается. Он не знает, что его крик – не более чем лесной шум. В системе Советской Армии и всего нашего государства он уже ноль, частное лицо, неудачник, изгнанный из армии без пенсии. Приказ об этом ему скоро объявят. Так что его приказ о смещении тебя с роты никакой силы не имеет.

– Спасибо, товарищ подполковник!

– Не спеши благодарить. Он не имеет права тебя отстранить от командования ротой. Поэтому я тебя отстраняю. – и, сменив тон, он тихо, но властно сказал: – Приказываю роту сдать!

У меня привычка давняя встречать удары судьбы улыбкой. Но удар оказался внезапным, и улыбки не получилось.

Швырнул я ладонь к козырьку и четко ответил:

– Есть сдать роту!

– Садись.

Сел.

– Есть разница. Полковник Ермолов снял тебя, потому что считал, что роты для тебя много. Я снимаю тебя, считая, что роты для тебя мало. У меня для тебя есть должность начальника штаба разведывательного батальона дивизии.

– Я только старший лейтенант.

– Я тоже только подполковник. А вот вызвали и приказали принять разведку тринадцатой армии. Я сейчас не только принимаю дела, но и формирую свою команду. Кое-кого я за собой перетащил со своей прежней работы. Я был начальником разведки восемьдесят седьмой дивизии. Но у меня теперь хозяйство во много раз больше, и мне нужно много толковых исполнительных ребят, на которых можно положиться. И штаб разведывательного батальона – это минимум. Я попробую тебя и на более высоком посту. Если справишься...

Он смотрит на часы.

– Двадцать минут на сборы. В двадцать один тридцать отсюда в Ровно, в штаб тринадцатой армии, пойдет наш автобус. В нем будет место и для тебя. Я заберу тебя к себе в разведывательный отдел штаба тринадцатой армии, если завтра сдашь экзамены.

Экзамены я сдал.

Глава 2

1

От офицерской гостиницы до штаба 13-й армии – двести сорок шагов. Каждое утро я не спеша иду вдоль шеренги старых кленов мимо пустых зеленых скамеек прямо к высокой кирпичной стене. Там, за стеной, в густом саду – старинный особняк. Когда-то, очень давно, тут жил богатый человек. Его, конечно, убили, ибо это несправедливо, чтобы у одних большие дома были, а у других – маленькие. Перед войной в этом особняке размещалось НКВД, а во время войны – Гестапо. Очень уж место удобное. После войны тут разместился штаб одной из наших многочисленных армий. В этом штабе я теперь служу.

Штаб – это концентрация власти, власти жестокой, неумолимой, несгибаемой. В сравнении со штабами любого из наших противников наши штабы малы и предельно подвижны. Штаб армии – это семьдесят генералов и офицеров, да рота охраны. Это все. Никакой бюрократии. Штаб армии может в любой момент разместиться на десяти бронетранспортерах и раствориться в серо-зеленой массе подчиненных ему войск, не теряя при этом руководства ими. В этой его незаметности и подвижности – неуязвимость. Но и в мирное время он защищен от всяких случайностей. Еще первый владелец этого особняка отгородил дом и большой сад высокой кирпичной стеной. А все последующие владельцы стену укрепляли, надстраивали, дополняли всякими штуками, чтобы начисто отбить охоту через стену перелезть.

У зеленых ворот – часовой. Предъявим ему пропуск. Он его внимательно рассмотрит и – рука к козырьку: проходите, пожалуйста. От контрольного пункта самого здания не видно. К нему

ведет дорога между стен густых кустов. С дороги не свернешь – в кустах непролазная чаща колючей проволоки. Так что иди по дороге как по тоннелю. А дорога плавно поворачивает к особняку, спрятанному среди каштанов. Окна его первого этажа много лет назад замурованы. На окнах второго этажа – крепкие решетки снаружи и плотные шторы внутри. Площадка перед центральным входом вымощена чистыми белыми плитами и окружена стеной кустов. Если присмотреться, то кроме колючей проволоки в кустах можно увидеть и серый шершавый бетон. Это пулеметные казематы, соединенные подземными коридорами с подвальным помещением штаба, где размещается караул.

Отсюда, от центрального двора, дорога поворачивает вокруг особняка к новому трехэтажному корпусу, пристроенному к главному зданию. Отсюда можно наконец попасть в парк, который зеленой мглой окутывает весь наш Белый дом.

Днем на дорожках парка можно увидеть только штабных офицеров, ночью – караулы с собаками. Тут же, в парке, совсем неприметный со стороны вход в подземный командный пункт, сооруженный на десятиметровой глубине и защищенный тысячами тонн бетона и стали. Там, под землей, – рабочие и жилые помещения, узел связи, столовая, госпиталь, склады и все, что необходимо для жизни и работы в условиях полной изоляции.

Но кроме этого подземного КП есть еще один. Тот не только бетоном, сталью и собаками защищен, но и тайной. Тот КП – призрак. Мало кто знает, где он расположен.

До начала рабочего дня – двадцать минут, и я брожу по дорожкам, шурша золотыми листьями. Далеко-далеко в синеве истребитель расчерчивает небо, пугая журавлей, кружащих над невидимым отсюда полем.

Вот офицеры потянулись к Белому дому. Время. Двинемся и мы. По дорожке к широкой аллее, мимо журчащего ручья, теперь обогнем левое крыло особняка, и вот мы снова на центральном

дворике, среди густых кустов, под тяжелыми взглядами пулеметных амбразур из-под низких бетонных лбов мрачных казематов.

Предъявим снова пропуск козыряющему часовому и войдем в гулкий беломраморный зал, где когда-то звенели шпоры, шелестели шелком юбки и за страусовыми перьями вееров дамы прятали томные взгляды. Теперь тут юбок нет. Изредка мелькнет телеграфистка с узла связи. Юбка на ней суконная, форменная, хаки, в обтяжку. Что, полковники, вслед смотрите? Нравится?

По беломраморной лестнице – вверх. Тут уж мне вслед смотрят. Там, наверху, часовой. Там еще одна проверка документов. И сюда, наверх, отнюдь не каждому штабному полковнику вход разрешен. А я только старший лейтенант, но пропускают меня часовые. Внизу удивляются: что за птица? Отчего по мраморной лестнице вверх ходит?

Предъявим еще раз пропуск и войдем в затемненный коридор. Тут ковры совсем заглушат наши шаги. В конце коридора – четыре двери, в начале – тоже четыре. Там, в конце коридора, кабинеты командующего, его первого заместителя, начальника штаба и политического шамана 13-й армии, который именуется членом Военного совета.

А четыре двери в начале коридора – это самые важные отделы штаба: первый, второй, восьмой и Особый.

Первый отдел – оперативный, он занимается боевым планированием.

Второй отдел – разведывательный, он поставляет первому отделу всю информацию о противнике.

Восьмой отдел названия не имеет, у него есть только номер. Мало кто знает, чем этот отдел занимается.

А у Особого отдела, наоборот, номера нет, только название. Чем он занимается, все знают.

Наш коридор – наиболее охраняемая часть штаба, и доступ сюда разрешен ограниченному числу офицеров. Конечно, и в наш коридор некоторые лейтенанты ходят – особисты и генеральские

адъютанты. Вот и мне вслед полковники смотрят: что за гусь? А я не особист и не адъютант. Я – офицер второго отдела. Вот наша черная кожаная дверь, первая налево. Наберем шифр на пульте, и дверь плавно откроется. За ней еще одна, на этот раз из брони, как в танке. Нажмем кнопку звонка, на нас глянет бдительное око через пуленепробиваемую смотровую щель, щелкнет замок – вот мы и дома.

Раньше тут, видимо, был один большой зал, потом его разделили на шесть не очень больших кабинетов. В тесноте, да не в обиде. В одном кабинете – начальник разведки 13-й армии, мой благодетель и покровитель, подполковник (пока еще подполковник) Кравцов. В остальных пяти кабинетах работают пять групп отдела.

Первая группа руководит всей нижестоящей разведкой – разведывательными батальонами дивизий, разведротами полков, внештатными разведротами, артиллерийской, инженерной и химической разведкой.

Пятая группа занимается электронной разведкой. В ее подчинении два батальона пеленгации и радиоперехвата, а кроме того эта группа контролирует электронную разведку во всех дивизиях, входящих в состав нашей 13-й армии.

Вторая и третья группы для меня – terra incognita. Не проработав в четвертой группе и месяца, я начинаю догадываться о том, чем эти совершенно секретные группы занимаются. Дело в том, что наша четвертая группа окончательно обрабатывает информацию, поступающую из всех остальных групп отдела. Кроме того, к нам стекается информация снизу, от штабов дивизий, сверху, из штаба округа, сбоку, от соседей – из пограничных войск КГБ.

В нашей группе в мирное время три человека. В военное время должно быть десять. В кабинете три рабочих стола. Тут работают два подполковника, аналитик и прогнозист, и я, старший лейтенант. Я работаю на самой простой работе – на перемещениях. Понятно, что аналитик в нашей группе старший.

Раньше на перемещениях тоже работал подполковник. Но новый начальник разведки выгнал его из отдела, освободив место для меня. А должность эта по штату подполковничья, и это означает, что если мне на ней удастся удержаться, то я очень скоро стану капитаном, потом, через четыре года, так же автоматически, – майором, а еще через пять лет – подполковником. Если за эти годы мне удастся прорваться выше, то и следующие звания будут идти автоматически по выслуге лет. Но если скачусь вниз, то за каждую новую звезду придется грызть кому-то глотку.

Подполковникам совсем не нравится инициатива нового начальника разведки посадить в подполковничье кресло старшего лейтенанта: мое появление унижает их авторитет и опыт, но не это главное. Главное в том, что и в их кресла новый начальник может посадить молодых и порывистых. Они оба смотрят на меня и только слабыми кивками отвечают на приветствие.

В рабочем кабинете информационной группы разведывательного отдела три стола, три больших сейфа, книжные полки во всю стену и карта Европы, тоже во всю стену. Прямо напротив входа – небольшой портрет молодого генерала. На погонах по три звезды. Иногда, когда никто не видит, я улыбаюсь ему и подмигиваю. Но генерал-полковник с портрета никогда не улыбается. Взгляд его холоден, суров и серьезен. Глаза, зеркало души, жестоки и властны. В уголках губ – легкая тень презрения. Под портретом нет никакой подписи. Нет ее и на обратной стороне портрета – я проверял, когда в кабинете никого не было. Вместо имени там стоит печать: «Войсковая часть 44388» и грозное предупреждение: «Содержать только в защищенных помещениях Аквариума и подчиненных ему учреждений». Командный состав Советской Армии я знаю хорошо. Офицер обязан его знать. Но я совершенно уверен, что генерал-полковника с портрета я не видел ни в одном военном журнале, включая и секретные.

Ладно, товарищ генерал, не мешайте работать.

Передо мной на столе пачка шифровок, поступивших за прошлую ночь. Моя работа – разобраться с ними: изменения в составе и дислокации войск противника внести в «Журнал перегруппировок» и нанести на Большую карту, которая хранится в первом отделе штаба армии.

Первая шифровка сразу ставит в тупик: на железнодорожном мосту через Рейн вблизи Кёльна зарегистрирован эшелон, двадцать британских танков «Чифтен».

Идиоты! В каком направлении прошел эшелон? Это усиление или ослабление? 20 танков – пустяк. Но из таких крупниц, и только из них, создается общая картина происходящего. И аналитик, и прогнозист имеют на столе точно такие же копии шифровок. И оттого, что они совершенно четко представляют себе картину происходящего, оттого, что в своих головах они держат тысячи цифр, дат, имен и названий, им, конечно, не надо поднимать шифровки предыдущих дней, чтобы там найти ключ к разгадке такого пустякового вопроса. Они испытующе смотрят на меня и совсем не спешат подсказать нужный ответ. Я поднимаюсь со своего места и иду к сейфу. Если перечитать снова все шифровки предыдущих дней, то, наверное, ответ будет однозначным. А четыре злых глаза мне в спину: трудись, старлей, знай, за что подполковники свой хлеб жуют.

2

Мы работаем до 17:00 с одним часовым перерывом на обед. Тот, у кого есть срочная работа, может оставаться в кабинете до 21:00. После этого все документы полагается сдать в секретную библиотеку, а сейфы и двери опечатать. Только подземный командный пункт не спит. Во время обострения обстановки мы по очереди остаемся в штабе. В каждой группе по одному офицеру. А в моменты кризисов все офицеры штаба по несколько дней живут и

работают в своих кабинетах или под землей. В подземном КП условия для жизни гораздо лучше, но там нет солнца, и потому, если можно, бóльшую часть времени мы проводим в наших немного тесных кабинетах.

Если нет шифровок, я читаю «Разведывательную сводку» Генерального штаба. Люблю эту пухлую, в 600 страниц, книгу, зачитываюсь. Когда нет кризисов и напряженного положения, подполковники ровно в 17:00 исчезают. У них, как у павловских подопытных псов, в определенное время слюна выделяется, чтобы плюнуть на печать и вдавить ее в пластилин на сейфе. С этого момента я остаюсь один.

Я читаю «Разведывательную сводку» в сотый раз.

Кроме общей сводки есть такая же толстая книга о бронетанковой технике, о флоте, о системе мобилизации Бундесвера, о французских ядерных исследованиях, о системе тревог НАТО и еще черт знает о чем.

– Ты спишь когда-нибудь?

Я и не заметил, как на пороге появился подполковник Кравцов.

– Иногда, а вы?

– Тоже иногда, – Кравцов смеется.

Я знаю, что Кравцов каждый вечер сидит допоздна или же неделями пропадает в подчиненных ему подразделениях.

– Тебя проверить?

– Да.

– Где находится четверта шестое тактическое истребительное тренировочное крыло ВВС США?

– Сарагоса, Испания.

– Что входит в состав пятого армейского корпуса США?

– Третья бронетанковая, восьмая механизированная дивизии и одиннадцатый бронекавалерийский полк.

– Для начала неплохо. Смотри, Суворов, скоро будет проверка, если ты не справишься с работой, то тебя выгонят из штаба. Меня не выгонят, но по шее дадут.

- Стараюсь, товарищ подполковник.
- А сейчас иди спать.
- Еще час можно поработать.
- Я сказал, иди спать. Ты мне рехнувшийся тоже не нужен.

3

Через две недели, когда подполковник-прогнозист находился в штабе округа, мне пришлось работать вместо него. За один день и две ночи я подготовил свой первый разведывательный прогноз: два тонких печатных листа с названием «Предполагаемая боевая активность 3-го корпуса Бундесвера на предстоящий месяц». Эти листы начальник разведки просмотрел и приказал передать в первый отдел. Все прошло как-то буднично. Меня никто не хвалил, но никто и не смеялся над моим творением.

4

Воздушная волна бумаги со столов сорвала. Подполковники их телами накрывают: не разлетелись бы. За каждую бумажку по 15 лет получить можно. Дверь кабинета без стука на всю ширину раскрылась. В двери лейтенант.

– Здравствуйте, Константин Николаевич, – улыбаются лейтенанту подполковники.

Красив лейтенант, высок, плечист. Ногти розовые, полированные. Лейтенанта в штабе только по имени-отчеству величают. Положение его завидное – адъютант начальника штаба армии. Если назвать его просто товарищем лейтенантом – это вроде как обидеть его. Поэтому – Константин Николаевич.

– Перемещения, – небрежно бросает Константин Николаевич.

Можно, конечно, сказать: «Начальник штаба требует к себе офицера по перемещениям с докладом об изменениях в группировке противника за прошлую ночь». Но можно и проще это сделать, как это Константин Николаевич делает: коротко, с легким презрением.

Я быстро собираю шифровки в папку. Адьютант генеральский чуть подобрел, даже улыбнулся:

– Не суетись под клиентом.

Подполковники адъютантской шутке зубы скалят. Суки штабные. За места теплые держитесь. А я этого терпеть не буду. Мне, кроме своих цепей, терять нечего.

– Не хами, лейтенант.

Лицо адъютанта вытянулось. Подполковники умолкли, на меня звериные взгляды уставили: дурак, выскочка, хам, как же ты с адъютантом разговариваешь! С Константином Николаевичем! Тут тебе не батальон. Тут штаб! Тут обстановку тонко чувствовать надо. Ты, деревенщина неотесанная, и на нас гнев накликаешь!

Выхожу из кабинета, генеральского адъютанта вперед себя не пропустив. И не пропущу никогда. Подумаешь, адъютантишко! Холуй генеральский. Ты солдата видел когда-нибудь на огневом рубеже? На стрельбище? Когда у него автомат с патронами, а у тебя только флажок красный в руке? Почувствовав оружие, идет солдат на мишени, мыслью терзается: а не врезать ли длинной очередью по командиру своему? За свою жизнь я каждого своего солдата десятки раз через огневой рубеж водил. И не раз видел сомнение в глазах солдатских: по фанерке садить или насладиться смертью настоящей? А ты, адъютантик, водил солдат через огневой рубеж? А видел ты их один на один в поле, в лесу, на морозе, в горах? А видел ты злобу солдатскую? А случалось тебе вдруг застать всю роту пьяной с боевым оружием? Ты, адъютант, на мягких коврах карьеру делаешь, и не рыпайся на Витю Суворова. Я терпел бы, если б ты капитаном был или хотя бы одного возраста со мной оказался. А ты же сопляк, мальчишка, как минимум на год младше меня.

В коридоре генеральский адъютант как бы нечаянно мне больно на ногу наступил. Я ждал выходки какой-нибудь и был готов к ней. Шел я чуть впереди адъютанта и чуть левее. И потому правым своим локтем двинул резко назад. В мягкое попал. Что-то в адъютанте булькнуло. Охнул он, ртом разинутым воздух хватая, изогнулся, к стенке привалился. Медленно разгибается адъютант. Выше он меня и в кости шире. Кисти рук огромные. Мячик баскетбольный той кистью, наверное, без труда держать можно. Но пузечко слабеньким оказалось. А может, просто не ожидал удара. Это ты, адъютант, дурака сваял. Удара всегда ожидать нужно. Каждое мгновение. Тогда и не будет такого сокрушительного эффекта.

Медленно адъютант выпрямляется, от моей руки взгляда не отрывает. А у меня два пальца рогаткой растопырены. Во всех странах этот жест викторию означает, победу то есть. А у нас этот жест означает другое: гляделки, сука, выколю!

Поднимается он медленно по стеночке, от растопыренных пальцев взгляд не отрывает. И понимает он, что его высокий покровитель ему сейчас не защита. Мы один на один, в пустом коридоре, как единоборцы на древнем поле боя, когда перед кровавой битвой от двух несметных армий выходили на середину только двое и бились друг с другом. Он выше меня и шире, но сейчас он понимает, что я простился с суетой жизни, и уже ничто, кроме победы, для меня не важно, и за победу я готов платить любую цену, даже собственную жизнь отдать готов. Он уже знает, что на любое его действие или даже слово я отвечу жутким ударом растопыренных пальцев в глаза и тут же вцеплюсь ему в глотку, чтобы уже никогда ее не отпустить.

Он, не моргая, медленно поднимает свои руки к горлу и, нащупав галстук, поправляет его.

- Начальник штаба ждет...
- Вас, – подсказываю я.
- Начальник штаба ждет *вас*.

Мне трудно возвращаться в этот мир. Я уже простился с ним перед смертельной звериной схваткой. Но он боя не принял. Я втягиваю воздух в себя и тру онемевшие от напряжения руки. Он не отрывает взгляда от моего лица. Мое лицо, видимо, изменилось, что-то говорит ему, что я его пока убивать не намерен. Я поворачиваюсь и иду по коридору. Он идет сзади. Я старший лейтенант, а ты еще только лейтенант, вот и топай следом.

5

В приемной два стола, один против другого. Они, как бастионы, прикрывают каждый свою дверь. Одна дверь в кабинет командующего, другая в кабинет начальника штаба. У двери командующего за полированным столом – его адъютант. Он тоже лейтенант, но и его никто по званию или по фамилии в штабе не называет – Арнольд Николаевич его имя. Тоже высокий, тоже красивый. Форма на нем не офицерского – генеральского сукна. Ко мне с его стороны тоже никакого почтения, сквозь меня смотрит, не замечая. Есть на то причина: мой шеф, начальник разведки подполковник Кравцов, назначен на свой высокий пост без согласия командующего 13-й армией, его заместителя и начальника штаба, вытеснив их человека с этого важного поста. И оттого к моему шефу презрение командующего, придирки начальника штаба. Оттого ко всем нам, кого Кравцов за собой привел, общая ненависть офицеров штаба, особенно тех, что работают на Олимпе, на втором этаже.

Мы – чужаки. Мы – варяги. Мы – незваные гости в теплой компании.

Начальник штаба генерал-майор Шевченко вопросы ставит толково, слушает не перебивая. Я ждал придирок, но он только пристально смотрит мне в лицо. В штабе появляются новые офицеры. Чья-то невидимая мощная рука толкает их прямо на мягкие ковры второго этажа. Мнения начальника штаба теперь

почему-то не спрашивают, и это не может ему нравиться. Власть мягко, как вода, уходит сквозь пальцы – как ее удержать? Он отворачивается к окну и смотрит в сад, заложив руки за спину. Кожа на его щеках фиолетовая, с чуть-чуть проступающими жилками. Я стою у двери, не зная, что делать.

– Товарищ генерал, разрешите идти?

Не отвечает. Молчит. Может, вопроса не услышал? Нет, услышал. Помолчав еще, он коротко отвечает «да», не повернув ко мне головы.

В приемной оба адъютанта встречают меня недобрыми взглядами. Ясно, что адъютант начальника штаба уже все рассказал своему коллеге. Конечно, они еще не доложили о случившемся своим покровителям, но непременно это сделают. Для этого они должны выбрать удобный момент, когда босс в соответствующем для подобного донесения настроении.

Я иду к двери, спиной чувствуя их ненавидящие взгляды, как пули в затылок. Чувств во мне сейчас два – облегчение и досада. Служба моя штабная завершена, и ждет меня бескрайняя ледяная пустыня за Полярным кругом или желтая раскаленная пустыня, а возможно, еще и суд офицерской чести.

Подполковники встречают меня гробовым молчанием. Они, конечно, не знают о том, что случилось в коридоре, но и того, что случилось тут, в кабинете, вполне достаточно, чтобы уже меня не замечать. Я – выскочка. Я внезапно взлетел высоко, но, не понимая этого и по достоинству не оценив случившегося, на этом месте не удержался и сорвался в пропасть. Я – никто. И моя участь их не беспокоит. Их интересует более важный вопрос: будет ли удар по мне перенесен и на моего столь ненавидимого ими шефа.

Я запираю документы в сейф и спешу к подполковнику Кравцову предупредить о грозящих ему неприятностях.

– С адъютантами не надо ссориться, – назидательно говорит он, не проявляя, однако, особого беспокойства по поводу случившегося. О

том, что я ему рассказал, он, кажется, забывает мгновенно. – Чем ты намерен заниматься сегодня вечером?

– Готовиться к сдаче должности.

– Тебя еще никто из штаба не выгоняет.

– Значит, скоро выгонят.

– Руки коротки. Я тебя сюда, Суворов, за собой привел, и только я могу дать тебе команду убираться отсюда. Так чем ты намерен заниматься вечером?

– Изучать шестьдесят девятую группу сил Шестого флота США.

– Хорошо. Но тебе, кроме умственных, нужны и физические нагрузки. Ты – разведчик, ты должен пройти курс нашей подготовки. Ты знаешь, чем занимается вторая группа нашего отдела?

– Знаю.

– Как ты можешь это знать?

– Догадался.

– Так чем вторая группа, по твоему мнению, занимается?

– Руководит агентурной разведкой.

– Правильно. А может, ты знаешь, чем и третья группа занимается? – он недоверчиво смотрит на меня.

– Знаю.

Он ходит по комнате, стараясь осмыслить то, что я ему сказал. Затем он порывисто садится на стул.

– Садись.

Я сел.

– Вот что, Суворов, из второй группы ты получал для обработки крупницы информации и поэтому мог догадаться об их происхождении. Но из третьей группы ты ни черта не получал...

– Из этого я сделал вывод, что силы, подчиненные третьей группе, действуют только во время войны, а дальше догадался.

– Твоя догадка могла быть неверной.

– Но офицеры в третьей группе очень высокие, все как один...

– Чем же они, по-твоему, занимаются?

– Во время войны они вырывают информацию силой...

- И хитростью, – вставил Кравцов.
 - Они диверсанты, террористы.
 - Ты знаешь, как это называется?
 - Этого я знать не могу.
 - Это называется СпН – части специального назначения. Разведка специального назначения. Диверсионная, силовая разведка. Смог ли ты догадаться, сколько диверсантов в подчинении третьей группы?
 - Батальон.
- Он вскочил со стула:
- Кто тебе это сказал?
 - Догадался.
 - Как?
 - По аналогии. В каждой дивизии одна рота занимается глубинной разведкой. Это, конечно, не спецназ, но нечто очень похожее. Армия на ступень выше дивизии, значит, в вашем распоряжении должна быть не рота, а батальон, то есть на ступень выше.
 - Четыре раза в неделю по вечерам будешь являться вот по этому адресу, имея с собой спортивный костюм. Все. Иди.
 - Есть!
 - Если придет новый командующий тринадцатой армией и новый начальник штаба, а, следовательно, и новые адъютанты, постарайся иметь с ними хорошие отношения.
 - Вы думаете, что командование нашей армии скоро сменится?
 - Я тебе этого не говорил.

6

В нашей информационной группе разведывательного отдела небольшие изменения. Подполковник, который работал на прогнозах, внезапно уволен в запас. Его вызвали на медицинскую комиссию, которая нашла нечто такое, что мешает ему оставаться в

армии. На пенсии ему будет лучше. Уходить ему никак не хотелось, ибо каждый год после двадцати пяти дает солидную надбавку к пенсии. Но доктора неумолимы: ваше здоровье дороже всего. Вместо подполковника на должность прогнозиста назначен капитан из разведки 87-й дивизии.

7

Начальник штаба должен знать о противнике все, поэтому каждое утро, разобравшись с шифровками, я иду к нему на доклад. Он никогда не вызывает меня по телефону, просто посылает адъютанта.

После нашей стычки прошло уже две недели. Я уверен, что адъютант давно доложил шефу о случившемся, – конечно, в выгодном для себя свете. Но я все еще хожу по коридорам второго этажа, я еще не провалился в тартарары. Это генеральским адъютантам не совсем понятно. Им ясно, что я какое-то исключение из правила, но они не знают, какое и почему, и поэтому они не хамят мне больше.

Этот вопрос занимает и меня самого: отчего, черт побери, я – исключение?

Глава 3

1

У нас изменения. Начальник первого отдела штаба смещен. Вместе с ним уволены старшие группы и некоторые ведущие офицеры. Вместо полковника на должность поставлен подполковник. За собой он привел целый табун капитанов и старших лейтенантов и рассадил их по подполковничьим местам.

2

– Начальник разведки тринадцатой армии приказал мне пройти сокращенный курс подготовки для работы в третьей группе.

– Да, да, я знаю... Заходи, – он широко улыбается. Ручищи у него, как клешни у краба. – Информаторы должны работать у нас, они должны понимать, как кусочки информации собираются и какова им цена. Переодевайся.

Сам он босиком, в зеленой куртке и зеленых брюках, мягких, но, видимо, прочных. Руки по локоть обнажены и напоминают мне здоровенные, необычайно чистые волосатые лапы хирурга, который лет пять назад собирал меня из кусочков.

Мы в большом спортивном зале, освещенном лучами заходящего солнца. Посредине зала – два одиноких стула, кажущиеся совсем маленькими в этой необъятной шири.

– Садись.

Мы сели на стулья лицом к лицу.

– Руки положи на колени и расслабь их, как плети. Всегда так сиди. В любой обстановке ты должен быть предельно расслаблен. Нижние зубы не должны касаться верхних. Челюсть должна

отвисать, слегка, конечно. Шею расслабь. Ноги. Ступни. Ногу на ногу никогда не клади – это нарушает кровообращение. Та-а-ак.

Он встал, обошел меня со всех сторон, придирчиво оглядывая. Потом ручищами ощупал шею, мышцы спины, кисти рук.

– Никогда не барабань пальцами по столу. Так делают только неврастеники. Советская военная разведка таких в своих рядах не держит. Что ж, ты достаточно расслаблен, приступим к занятиям.

Он садится на стул, руками держится за сиденье, потом качается на двух задних ножках стула и вдруг, качнувшись резко назад, опрокидывается на спину. Улыбается, вскакивает. Поднимает стул и садится на него, скрестив руки на коленях.

– Запомни, если ты падаешь назад, сидя на стуле, с тобой ничего не может случиться, если, конечно, сзади нет стенки или ямы. Падать назад, сидя на стуле, так же просто и безопасно, как опуститься на колени или встать на четвереньки. Но природа наша человеческая противится падению назад. Нас сдерживает только наша психика... Возьмись руками за сиденье... Я тебя подстраховывать не буду, удариться ты все равно не можешь... Покачайся на задних ножках стула... Стой, стой, боишься?

– Боюсь.

– Это ничего. Это нормально. Было бы странно, если бы не боялся. Все боятся. Возьмись руками за сиденье. Начинай без моих команд. Покачались...

Я качался на стуле, балансируя, затем слегка нарушил баланс, качнувшись чуть больше, и стул медленно пополз в бездну. Я вжался в сиденье. Я втянул голову в плечи. Потолок стремительно уходил вверх, но падение затянулось. Время остановилось. И вдруг спинка стула грохнулась об пол. Только тут я по-настоящему испугался и в то же мгновение радостно рассмеялся: со мной решительно ничего не случилось. Голова, повинувшись рефлексу, чуть ушла вперед, и оттого я просто не мог удариться затылком. Удар приняла спина, плотно прижатая к спинке стула. Но площадь спины гораздо больше

площади ступней, и оттого падение назад менее неприятно, чем прыжок со стула на землю.

Он протянул мне руку.

– Можно, я еще попробую?

– Конечно, можно, – улыбается.

Я сел на стул, ухватился руками за сиденье и повалился назад.

– Я еще попробую! – радостно кричу я.

– Да, да, наслаждайся.

3

– По нашему заказу Академия наук разработала методику прыжков из скоростного поезда, а равно из автомобиля, трамвая... Математические формулы тебе не нужны, пойми только вывод: из стремительно несущегося поезда надо прыгать задом и назад, приземляться на согнутые ноги, стараясь сохранить равновесие и не коснувшись руками земли. В момент касания земли нужно мощно оттолкнуться и несколько секунд продолжать бег рядом с поездом, постепенно снижая скорость. Наши ребята прыгают с поездов на скоростях семьдесят пять километров в час. Это общий стандарт. Но есть одиночки, которые этот стандарт значительно перекрывают, прыгая с гораздо более быстрых поездов, прыгая под уклон, с мостов, прыгая с оружием в руках и со значительным весом за спиной. Запомни, главное – не коснуться руками земли. Ноги вынесут тебя. Мышцы ног обладают исключительной силой, динамичностью и выносливостью. Касание рукой может нарушить стремительный ритм движения ног. За этим следует падение и мучительная смерть. Потренируемся. Вначале тренажер. Настоящий поезд будет позже. Начинаем со скорости десять километров в час...

4

Через месяц мы вдвоем стоим на перилах железнодорожного моста. Далеко внизу холодная свинцовая река медленно несет свои воды, сворачиваясь в могучие змеиные кольца у бетонных опор. Я уже грамотен и понимаю, что человек может ходить и по телеграфному проводу над бездонной пропастью. Все дело в психологической закалке. Человек должен быть уверен, что ничего плохого не случится, и тогда все будет нормально. Цирковые артисты тратят годы на элементарные вещи. Они ошибаются. У них нет научного подхода. Их подготовка основана на физических упражнениях, и они не уделяют достаточного внимания психологии. Они тренируются много, но не любят смерть, боятся ее, стараются ее обойти, забывая о том, что можно наслаждаться не только чужой смертью, но и своей собственной. И только люди, не боящиеся смерти, могут творить чудеса вместе с богами.

– Дураки говорят, что вниз смотреть нельзя! – кричит он, – Какое наслаждение смотреть вниз на водовороты!

Я смотрю в глубину, и она больше не кажется мне жуткой и влекущей, как змеиная пасть для лягушонка. И ладони мои больше не покрываются отвратительной липкой холодной влагой.

5

Снова изменения в руководстве 13-й армии. В каждой армии по два генерал-майора артиллерии. Один командует ракетными подразделениями и артиллерией, второй – ПВО. В 13-й смещены оба.

6

В Прикарпатском военном округе грандиозные изменения.

Скоропостижно скончался командующий Прикарпатским военным округом генерал-полковник Бисярин. Еще не прошло и года с того времени, когда он командовал Прикарпатским фронтом в Чехословакии. Он был бодр и здоров и правил четырьмя армиями фронта легко и свободно. Говорят, что он никогда не болел. И вот его нет.

Командование военным округом принял генерал-лейтенант танковых войск Обатуров. И тут же в штабе военного округа произошло массовое смещение людей Бисярина и замена их людьми Обатурова. И тут же волна изменений покатила вниз в штабы армий. В округе их четыре: 57-я воздушная, 8-я гвардейская танковая, 13-я и 38-я. По мягкому ковру нашего коридора быстро прошли два новых генерала – новый командующий нашей 13-й армией и новый начальник штаба.

В этот день бронированную дверь разведывательного отдела всем посетителям открывал я. Звонок. Через танковый триплекс я вижу незнакомого лейтенанта. О, я знаю, кто это.

- Пароль?
- Омск.
- Допуск?
- Сто шесть.
- Заходите.

Тяжелая дверь плавно отошла в сторону, пропуская лейтенанта.

– Доброе утро. Товарищ старший лейтенант, мне нужен начальник разведки.

- Я доложу ему. Одну минуту подождите, пожалуйста.

Я стукнул в дверь своего шефа и тут же вошел.

– Товарищ подполковник, к вам адъютант нового командующего армией.

- Просите.

Лейтенант входит:

- Товарищ подполковник, вас просит командующий.

Я знаю наперед, что будут учения, что шифровки будут сыпаться как из рога изобилия, что молодые адъютанты устанут смертельно, у них будут красные, воспаленные глаза, когда ночами мы будем вместе с ними работать над Большой картой. Я знаю, что после первых учений два новых адъютанта и я напьемся до зеленых чертиков и станем друзьями. Я буду рассказывать им похабные анекдоты, а они мне – смешные истории из интимной жизни их покровителей. Но и сейчас уже, после самой первой встречи, уже по тому, как адъютант приветствовал меня, и по тому, как он входил в кабинет моего шефа, я понимаю, что мы фигуры одного цвета. Новые генералы в штабе 13-й армии – люди Обатурова. Новые начальники отделов, включая и Кравцова, – люди Обатурова. Новые адъютанты, новые офицеры в штабе – все они люди Обатурова. Я осознаю впервые, что и я член этой группы. И я знаю, что сам новый командующий Прикарпатским военным округом генерал-лейтенант Обатуров – человек какой-то мощной группы, стремительно и неудержимо идущей к власти.

Все, кто пришел в этот штаб и в другие штабы округа раньше нас, все они – фигуры другого цвета. И их время кончилось. Тех, кто достаточно стар, будут вышибать на пенсию, остальных – в раскаленные пески. Старая группа под мощным, но невидимым со стороны ударом рухнула и рассыпалась, и ее осколкам никогда не быть верными слугами воротил этого общества, никогда не нежиться в лучах могущества...

В секретном отделе я столкнулся с бывшим адъютантом бывшего начальника штаба. Он сдавал документы. Он едет куда-то очень далеко командовать взводом. Он уже более двух лет офицер, но никогда не имел под своим началом злых, полупьяных, совершенно неуправляемых солдат. Если бы с этого началась его служба, то все было бы нормально. Но его служба началась с мягких ковров. В любой обстановке он сытно ел и был в теп-ле. Теперь все ломалось. Человек привыкает быть на дне пропасти. И если он всегда там находился, то с трудом представляет, что может быть какая-либо

другая жизнь. Но лейтенант был вознесен к вершинам, а теперь снова падал в пропасть. На самое дно. И это падение мучительно.

Он улыбается мне. А улыбка его кажется собачьей. Когда-то очень давно на Дальнем Востоке я видел двух псов, прибившихся к чужой своре. Но свора рычала, не желая принимать чужаков в свою среду. И тогда один из этих псов бросился на своего несчастного товарища и загрыз его. Их борьба продолжалась долго, и свора терпеливо следила за исходом поединка. Один ревел, а другой, более слабый, жутко визжал, не желая расставаться с жизнью. Убив своего товарища, а может быть, и брата, весь искусанный и изорванный пес, поджав хвост, подошел к своре, демонстрируя свою покорность. И тогда свора бросилась на него и разорвала.

Почему-то бывший адъютант мне напомнил того пса с поджатым хвостом, готового грызть кого угодно, лишь бы быть принятым в свору победителей.

Дурак. Будь гордым. Езжай в свою пустыню и не виляй хвостом, пока тебя не загрызли.

7

В ту ночь снился мне старый добрый еврей дядя Миша. Было мне тогда пятнадцать лет. Учился я в школе и работал в колхозе. Зимой работал время от времени, летом – наравне с матерыми мужиками. Поэтому, когда обсуждался серьезный вопрос, на собрание позвали и меня. Дело вот в чем было: в конце августа каждый год наш колхоз отправлял в город Запорожье одного человека на две-три недели торговать арбузами. Конец августа приближался, и нужно было решить, кто из мужиков поедет в этом году.

Сидят мужики в клубе. Пора горячая – уборка урожая в самом разгаре, а мужикам не до уборки. Спорят все, кричат. Председатель предложил на арбузы зятя своего Сережку послать. Первые ряды молчат, а с задних рядов свистят, стучат ногами и скамейками.

Председатель ставит вопрос на голосование. Разгорячился он, голову теряет. В таких случаях нужно сначала спросить: «Кто против?» Никто, конечно, не поднимет руку. Тогда и голосованию конец: значит, все согласны. Но председатель по привычке вопрошает: «Кто за?» Он привык так вопрос ставить, когда нужно мудрую политику нашей родной коммунистической партии одобрить. Но тут вопрос кровный. Тут все руки вверх не будут тянуть.

– Кто за? – повторяет председатель.

А зал молчит. Ни одна рука вверх не поднялась. Просчитался председатель. Не так вопрос поставил. Сережку, зятя председателева, нельзя посылать, значит. Махнул он рукой: сами тогда решайте. Опять шум и крик. Все с мест повскакивали. Снова все недовольны.

А я в углу сижу. О чем люди спорят, никак в толк не возьму. Те мужики, что в прошлые годы арбузами торговать ездили, уверяют всех, что работа эта опасна: шпана на базаре зарезать может. Если ошибешься в расчетах, милиция арестует или придется потом с колхозом собственными деньгами рассчитываться. Но странное дело: ни один из них, раньше торговавших, вроде бы и не очень упирается, если его на эту опасную неблагодарную работу вновь выдвигают. Зато все остальные сразу ногами топают и кричат, что он мошенник и плут, что от него только убыток колхозу. Опять же странно: если работа опасная и неблагодарная, отчего его и не сунуть на эту работу вместо себя. Но не пускает колхозное собрание ни одного из выдвинутых.

Все новых кандидатов называют. И все так же решительно собрание их отклоняет. Чудеса. Нет бы первого, кого председатель назвал, и послать на эту проклятую работу. Всем бы облегчение. Так нет же, никому не хочется посылать туда ни врага своего, ни друга, ни соседа. Такое впечатление, что каждый сам туда норовит попасть, да другие его не пускают: коли я туда не попал, так и тебя не пущу.

Спорили-спорили – утомились. Всех перебрали. Всех отклонили.

– Кого ж тогда? Витьку Суворова, что ли? Мал еще.

Но мужики на этот счет другое мнение имели. Я им не равен ни по возрасту, ни по опыту, ни по авторитету, я для мужиков вроде бы как никто. И послать меня означало для них почти то же самое, что не послать никого. Пусть Витька едет, рассуждал каждый, лишь бы мой враг туда не попал. Так и порешили. Проголосовали единогласно. Председатель и даже зять его Сережка – и те руки вверх подняли.

Привезли меня в город два лохматых мужика в три часа ночи. Вместе мы арбузы разгрузили, уложили их в деревянный короб у зеленого дощатого навеса, в котором мне предстояло проработать шестнадцать дней и проспать пятнадцать ночей.

В пять утра базар уже гудел сотнями голосов. Мужики давно уехали, а я один со своими арбузами остался. Торгую. Из-за прилавка не выхожу. Стесняюсь. Ноги босые, а в городе никто так не ходит.

Торгую, судьбу проклиная. Еще меня никто и резать не собирается, а жизнь уж в моих глазах меркнет. Арбузы у меня отменные. Очередь у прилавка огромная. Все кричат, как на колхозном собрании. А я считаю. Цена моим арбузам – 17 копеек за килограмм. Это государственная цена, отклониться от нее – в тюрьму посадят. Считаю. Математику я любил. Но ничего у меня не получается. Весит, допустим, арбуз 4 килограмма 870 граммов, если по 17 копеек за килограмм брать, то сколько такой арбуз стоит? Если б толпа не шумела, если б та баба жирная меня за волосья ухватить не норовила, то я мигом бы сосчитал. А так ни черта не получается. Ни карандаша, ни бумажки с собой нет. Откуда знать было, что потребуется?

Толстые женщины в очереди злятся на медлительность, напирают на прилавок. Те, кто уже купили, в сторонке сдачу пересчитывают, снова к прилавку подбегают, кричат, милицию вызвать грозятся. А арбузы самые разные, и вес у них разный, и цена разная, а копейка на доли не делится. Вспомнил я слова мужиков на собрании: просчитаешься, потом с колхозом своими деньгами расплачиваться будешь. А откуда у меня свои деньги? Ни черта у меня не

получается. Я толпе кричу, что закрываю торговлю. Тут меня чуть не разорвали. Уж больно арбузы хорошие.

А напротив меня в лавочке старый еврей с косматыми белыми бровями сидит. Шнурками торгует. Смотрит он на меня, морщится, как от зубной боли. Невыносимо ему на эту коммерцию смотреть. То отвернется, то глаза к небу закатит, то на пол плюнет.

Долго он так сидел, мучился. Не выдержал. Закрыв лоточек свой, встал со мной рядом и давай торговать. Я ему арбузы кидаю, на которые он длинным костлявым пальцем указывает, и пока успеваю я арбуз из кучи выхватить, он предыдущий на лету ловит, взвешивает, подает, деньги принимает, сдачу отсчитывает, мне на следующий пальцем тычет, да еще и улыбаться всем успевает. Да и тычет не на всякий арбуз, а с понятием: то меня на самый верх кучи гонит, то к основанию, то с другой стороны кучи забежать мне приходится, то обратно вернуться. А он всем улыбается. Ему все улыбаются. Все его знают. Все ему кланяются. «Спасибо, дядя Миша», – говорят.

За час он всю очередь пропустил. А куча наполовину уменьшилась. Только мы с очередью управились, он мне кучу денег вывалил: трешки мятые, рубли рваные, кое-где и пятерки попадают. Мелочь звенящую он отдельной кучкой сложил, сдачу чтоб давать.

– Вот, – говорит, – выручка твоя. В правый карман ее положи, тут достаточно, чтобы с твоим колхозом за сегодня рассчитаться. А все, что сегодня еще выручишь, смело в свой левый карман клади.

– Ну, дядя Миша, – говорю, – век не забуду!

– Это не все, – отвечает, – это я только практику преподавал, а теперь теорию слушай.

Принес он лист бумаги. Написал цены на нем: 1 кг – 17 копеек, 2 кг – 34 копейки, и так до десяти. Но с килограммами у меня проблем не было, с граммами проблема. Вот и их он отдельным столбиком пишет: 50, 100, 150...

– Копейка на доли не делится, поэтому за пятьдесят грамм можно ничего не взять, а можно взять целую копейку. И так правильно, и так. За сто грамм можешь взять одну копейку, а можешь две копейки взять. С хорошего человека всегда бери минимум, а с нормального человека всегда бери максимум.

Быстро он мне цены пишет: 750 грамм – минимум 12 копеек, максимум – 13.

– Как же вы, дядя Миша, так быстро считаете?

– А я не считаю, я просто цены знаю.

– Черт побери, – говорю, – цены же меняются!

– Ну и что, – говорит, – если завтра тебе по восемнадцать копеек прикажут продавать, значит, например, за пять килограммов девятьсот двадцать граммов можно взять минимум рубль и шесть копеек, а максимум – рубль и семь копеек. Граммы тоже округлять нужно для хорошего человека в сторону минимума, а для нормального – в сторону максимума. Хорошему человеку хороший арбуз давай. Нормальному человеку – нормальный.

Как хороший арбуз от нормального отличить, я знаю. У хорошего арбуза хвостик засушен, а на боку желтая лысинка. А вот как хороших людей от обычных отличить? Если спрошу, ведь он смеяться будет. Вздохнул я, но ведь и мне когда-то ума набираться надо, – и спросил его.

От этого вопроса он аж присел. Долго вздыхал он, головой качал, глупости моей дивился.

– Заприметь хозяек из окрестных домов, тех, которые у тебя каждый день покупают. Вот им и давай лучшие арбузы да по минимальной цене. Их немного, но они о тебе славу разносят, рекламу тебе делают, мол, честный, точный, и арбузы сладкие. Они тебе очередь формируют. Раз две-три возле тебя стоят, значит, десять других вслед им пристроятся. Но это уже покупатели одноразовые. Им-то и давай обычные арбузы похуже, а бери максимум с них. Понял?

Картон с ценами он над моей головой приладил. Со стороны не видно, но стоит мне голову вверх задрать, вроде цену вычисляя, – все цены передо мной.

Так и пошла торговля. Быстро да с доходом. Хороши арбузы! Ах, хороши! Подходи, налетай! Через день окрестные домохозяйки меня узнавать стали. Улыбаются. Я им арбузы по минимальной цене – и улыбаюсь. Всем остальным – по максимальной, тоже улыбаюсь.

С одного покупателя – доли копеечки. С другого тоже. Вдруг понял я, что деньги к деньгам липнут. Не обманывал я людей, просто доли копейки в свою пользу округлял, но появились в моем левом кармане трешки мятые, рубли рваные, иногда и пятерки.

Подсчитаю доход – все лишние деньги у меня. Сдам колхозу выручку, а в моем собственном кармане все прибывает. Появилась в кармане хрустящая десятка. Пошел я к дяде Мише, протягиваю.

– Спасибо, дядя Миша, – говорю, – научил, как жить.

– Дурак, – говорит дядя Миша, – вон милиционер стоит. Ему дай. А у меня и своих хватает.

– Зачем же милиционеру? – дивлюсь я.

– Просто так. Подойди и дай. От тебя не убудет. А милиционеру приятно.

– Я же преступления не совершаю. Зачем ему давать?

– Дай, говорю, – дядя Миша сердится, – да когда давать будешь, не болтай. Просто сунь в карман и отойди.

Пошел я к милиционеру. Суровый стоит. Рубаха на нем серая, шея потная, глаза оловянные. Подошел к нему прямо вплотную. Аж страшно. А он и не шевелится. В нагрудный карманчик ему ту десятку, трубочкой свернутую, сунул. А он и не заметил. Стоит, как статуя, глазом не моргнет. Не шелохнется. Пропали, думаю, мои денежки. Он и не почувствовал, как я ему сунул.

На следующее утро тот милиционер снова на посту.

– Здравствуй, Витя, – говорит.

Удивляюсь я. Откуда б ему имя мое знать?

– Здравствуйте, гражданин начальник, – отвечаю.

А каждый вечер машина из колхоза приезжала. Отвалят мужики две-три тонны арбузов на новый день, а я за прошедший день отчет держу: было ровно две тонны, продал 1816 кг, остальные не проданы – битые и мятые, их 184 кг. Вот выручка – 308 рублей 72 копейки.

Взвесят мужики брак, в бумагу запишут, и домой поехали. А я битые арбузы корзиной через весь базар на свалку таскаю. За этим занятием меня дядя Миша застукал. Охает, кряхтит, моей тупости дивится. Отчего, говорит, ты тяжелую грязную работу делаешь, да еще и без всякой для себя прибыли?

– Какая от них польза? – удивляюсь я, – Кто же их, гнилые да битые, купит?

Опять он сокрушается, глаза к небу закатывает. Продавать, говорит, их не надо. Но и таскать их на свалку тоже не надо. Оставь их, сохрани. Придет завтра контроль, а ты их и покажи второй раз, да вместе с теми, что завтра битыми окажутся. Продашь ты завтра, допустим, 1800 кг, а говори, что только 1650. А еще через день снова продашь 1800, но показывай все битые арбузы, что за три дня скопились, и говори, что удалось продать только 1500 килограммов.

Так и пошло.

– Не увлекайся, – учит дядя Миша, – жадность фраера губит.

Это я и сам понимаю. Не увлекаюсь. Если 150 кг в день у меня битых, я только 300 кг показываю, но не больше. А ведь мог бы и полтонны показать. На этих битых арбузах в день я по 25 рублей в свой левый карман клал. В колхозе я и за месяц столько не зарабатывал. Да от долей тех копеечных в карманах оседало. Да еще несколько секретов дядя Миша шепнул.

В последний вечер захватил я шесть бутылок коньяка, надел новые туфли лакированные, пошел к дяде Мише.

– Дурак, – говорит дядя Миша. – Ты, – говорит, – эти бутылки своему председателю отдай, чтоб он и на следующее лето твою кандидатуру на собрании выдвинул.

– Нет, – отвечаю, – у тебя, может, и своих много, но возьми и мои тоже. Возьми их от меня на память. Если не нравятся – разбей об стенку. Но я тебе их принес и обратно не заберу.

Взял он их.

– Я, – говорю, – две недели торговал. А вы сколько?

– Мне, – отвечает, – семьдесят три сейчас, а пошел я в коммерцию с шести лет. При государе Николае Александровиче.

– Вы за свою жизнь, наверное, всем торговали?

– Нет, – отвечает, – только шнурками.

– А если б золотом пришлось торговать, сумели бы?

– Сумел бы. Но не думай, что на золоте проще деньги делать, чем на других вещах. Вдобавок все наперед знают, что ты миллионер подпольный. На шнурках больше заработать можно и спокойнее с ними.

– А чем тяжелее всего торговать?

– Спичками. Наука – исключительной сложности. Но если овладеть ею, то миллион за год сколотить можно.

– Вы, дядя Миша, если бы в капиталистическом мире жили, то давно миллионером были...

На это он промолчал.

– А у нас-то в социализме не развернешься, быстро расстреляют.

– Нет, – не соглашается дядя Миша, – и при социализме не всех миллионеров расстреливают. Нужно только десятку трубочкой свернуть – и милиционеру в кармашек. Тогда не расстреляют.

А еще говорил дядя Миша, что деньги собирать не надо. Их тратить надо. Ради них на преступление идти не стоит и рисковать из-за них незачем. Не стоят они того. Другое дело, если они сами к рукам липнут – тут уж судьбе противиться не нужно. Бери их и наслаждайся. А на земле нет такого места, нет такого человека, к которому бы миллион сам в руки не шел. Правда, многие этих возможностей просто не видят, не используют. И, сказав это, он трижды повторил, что счастье не в деньгах. А в чем счастье, он мне не сказал.

Редко дядя Миша мне снится. Трудно сказать почему, но в те ночи, когда добрый старик приходит ко мне на пыльный базар, я плачу во сне. В жизни я редко плакал, даже и в детстве. А во сне – только когда его вижу. Шепчет дядя Миша на ухо мудрость жизни, а я все запоминаю и радуюсь, что ничего не упустил. И все им сказанное в уме стараюсь удержать до пробуждения. Все просто, истины – прописные. Но просыпаюсь – и не помню ничего.

Разбудил меня лучик яркого света. Потянулся я и улыбнулся мыслям своим. Долго вспоминал, что мне дядя Миша на ухо шептал. Нет, не помню. А было что-то важное, чего никак забывать нельзя.

Из тысячи правил только самый маленький кусочек остался: людям улыбаться надо.

Глава 4

1

Главный элемент снаряжения диверсанта – обувь. После парашюта, конечно.

Матерый диверсант со шрамом на щеке выдал мне со склада пару ботинок, и я их с интересом разглядываю. Обувь эта – не совсем ботинки, но и не сапоги. Нечто среднее. Гибрид, сочетающий в себе лучшие качества и сапога, и ботинка. В ведомости эта обувь числится под названием Бэ-Пэ – Ботинки Прыжковые. Так их и будем называть.

Сделаны эти ботинки из толстой мягкой воловьей кожи и весят гораздо меньше, чем это кажется по их виду. Ремней и пряжек на каждом ботинке много: два ремня над пяткой, один широкий вокруг ступни, два – вокруг голени. Ремни тоже мягкие. Каждый ботинок – это опыт тысячелетий. Ведь так ходили в походы наши предки: обернув ногу мягкой кожей и затянув ее ремнями. Мои ботинки именно так и сделаны: мягкая кожа да ремни.

Но вот таких подошв наши предки не знали. Подошвы толстые, широкие и мягкие. Мягкие, конечно, не значит, что непрочные. В каждой подошве по три титановые пластинки, они, как чешуя, одна на другую наложены – и прочно, и гибко. Такие титановые пластинки-чешуйки в бронежилетах используются – пулей не пробьешь. Конечно, в подошвы они не против пуль вставлены. Эти титановые пластинки защищают ступни ног от шипов и кольев, что в изобилии встречаются на подступах к особо важным объектам. При необходимости с такими подошвами и по огню бегать можно. У пластинок еще одна роль: они служат опорами для лыжных креплений.

Рисунок на подошвах ботинок – с подошв солдатской обуви наших вероятных противников. В зависимости от того, в каких районах предстоит действовать, мы можем оставлять за собой стандартный американский, французский, испанский или любой другой след.

И все же главная хитрость не в этом. Диверсионный, точнее, прыжковый ботинок имеет каблук впереди, а подошву сзади. Так что когда диверсант идет в одну сторону, его следы повернуты в другую. Понятно, что каблуки сделаны более тонкими, а подошвы более толстыми, так, чтобы ноге было удобно, чтобы перестановка – каблук вперед, подошва назад – не создавала трудностей при ходьбе.

Опытного следопыта этим вряд ли, конечно, обманешь. Он-то знает, что при энергичной, быстрой ходьбе носок оставляет более глубокую вмятину, чем пятка. Но много ли людей всматриваются в отпечатки солдатских подошв? Многие ли из них знают, что носок оставляет более четкий след? Многие ли обратят внимание на то, что вдруг появился след, у которого все наоборот? Многие ли смогут по достоинству оценить увиденное? Кому может прийти идея, что есть сапоги, у которых каблуки на носке, а подошва на пятке? Кому придет мысль, что если следы ведут на восток, значит, человек прошел на запад?

Да ведь и мы не глупые. Диверсанты, как волки, они по одному не ходят. И, как волки, мы идем след в след. Пойми поди, сколько нас в группе было, – трое или сто. А когда по одному следу прошло много ног, то уловить тонкий нюанс, что наши каблуки вдавили грунт больше, чем носки, почти невозможно.

К диверсионному ботинку есть только один тип носка: очень толстый, чистой шерсти. И куда бы мы ни шли, в тайгу или в знойную пустыню, носки всегда будут одинаковыми: очень толстые шерстяные, серого цвета. Такой носок и греет хорошо, и хранит ногу от пота, не трет ее и не стирается сам. А носков у диверсанта две

пары. Хоть на день идешь, хоть на месяц. Две пары. Крутись как хочешь.

Белье льняное, тонкое. Оно должно быть новым, но уже немного ношеным и минимум один раз стиранным. Поверх тонкого белья надевается «сетка» – второе белье, выполненное из толстых мягких веревок в палец толщиной. Так что между верхней одеждой и тонким бельем всегда остается воздушная прослойка почти в сантиметр. Умная голова это придумала. Если жарко, если пот катит, если все тело горит, такая сетка – спасение. Одежда к телу не липнет и вентиляция под одеждой отменная. Когда холодно, воздушная прослойка хранит тепло, как перина, и вдобавок не весит ничего. Сетка и еще одно назначение имеет. Комариный нос, проткнув одежду, попадает в пустоту, не доставая до тела. Диверсант в лесу да на болоте обитает. Он часами в жгучей осоке, в огненной крапиве лежит под звенящим комариным зудом. И только сетка его и спасает. А уж сверху брюки и куртка зеленые, из хлопчатой ткани. Швы везде тройные. Куртка и брюки мягкие, но прочные. На сгибах, на локтях и коленях, на плечах материя тройная, для большей прочности.

На голове диверсанта шлем. Зимой он кожаный меховой с шелковым подшлемником, летом – хлопчатый. Диверсионный шлем состоит из двух частей: собственно шлем и маска. Шлем не должен слетать с головы ни при каких условиях, даже при десантировании, не должен иметь никаких пряжек, ремешков и выступов на внешней части, ибо он в момент прыжка находится прямо у парашюта. На шлеме не должно быть ничего, что могло бы помешать куполу и стропам четко раскрыться. Поэтому десантный шлем выполнен точно по форме человеческой головы и плотно закрывает голову, шею и подбородок, оставляя открытыми только глаза, нос и рот. Во время сильных морозов, а также маскировки ради, глаза, нос и рот закрываются маской.

Есть у диверсанта еще и куртка. Она толстая, теплая, легкая. В ней можно в болоте лежать – не промокнешь, и спать в снегу – не замерзнешь. Длина куртки – до середины бедра: и ходить не

мешает, и, если надо на льду сутками сидеть, сиденьем служит. Снизу куртка широкая. При беге и быстрой ходьбе это очень важно – вентиляция. Но если нужно, нижняя часть может быть стянута туго, облекая ноги и сохраняя тепло. Раньше диверсанты и брюки такие же имели, толстые да теплые. Но это было неправильно. Когда идешь сутками не останавливаясь, такие брюки – помеха. Они всю вентиляцию нарушают. Наши предки мудрые никогда меховых брюк не нашивали. Вместо этого у них были длинные шубы до пят. Правы они были. В меховых брюках сопреешь, а в длинной шубе – нет. Древний опыт теперь учтен, и диверсант имеет только куртку, но в случае необходимости к ней пристегиваются длинные полы, которые закрывают тело почти до самых пят: всегда тепло, но никогда не жарко. Эти полы легко отстегиваются и скручиваются в рулон, не занимая много места в багаже диверсанта.

Раньше куртки выворачивались на две стороны. Одна сторона – белая, другая – серо-зеленая, пятнистая. Но и это было неправильно. Куртка изнутри нежной должна быть, как кожа женщины, она должна ласкать тело диверсанта. А снаружи она должна быть грубой, как шкура носорога. Поэтому куртки теперь не выворачиваются на две стороны. Они нежные изнутри, корявые снаружи. А цвета они светло-серого, как прошлогодняя трава или как грязный снег. Цвет выбран удачно. Ну, а если нужда острая, поверх куртки можно надеть легкий белый маскировочный халат.

Все снаряжение диверсанта уместается в РД – ранце десантном. РД, как и вся одежда, и снаряжение диверсанта, светло-серый. Он небольшой, форма его прямоугольная. Выполнен он из плотной материи. Чтобы не оттягивать плечи назад, он сделан плоским, но широким и длинным. Крепления десантного ранца выполнены так, что он может закрепляться на теле в самых разных положениях. Его можно повесить на грудь, можно закрепить высоко за спиной, можно опустить вниз на самую задницу и закрепить на поясе, высвободив на время уставшие плечи.

Куда бы диверсант ни шел, у него только одна фляга воды, 810 граммов. Кроме этого, он имеет флакончик с маленькими коричневыми обеззараживающими таблетками. Такую таблетку можно бросить в воду, загрязненную нефтью, бациллами дизентерии, мыльной пеной. Через минуту вся грязь оседает вниз, а верхний слой можно слить и выпить. Чистая вода, полученная таким способом, имеет отвратительный вкус и режущий запах хлора. Но диверсант пьет ее. Тот, кто знает, что такое настоящая жажда, пьет и такую воду с величайшим наслаждением.

Если диверсант идет на задание на неделю или на месяц (время роли не играет), он всегда несет с собой одинаковое количество продовольствия – 2765 граммов. Часто в ходе выполнения задания ему могут подбросить с самолета и продовольствия, и воды, и боеприпасов. Но этого может и не случиться, и тогда живи как знаешь. Почти три килограмма продовольствия – это много, учитывая необычайную калорийность специально разработанной и приготовленной пищи. Но если этого не хватит, продовольствие нужно добывать самостоятельно. Можно убить оленя или кабана, можно наловить рыбы, можно есть ягоды, грибы, ежей, лягушек, змей, улиток, земляных червей, можно вываривать березовую кору и желуди, можно... Да мало ли что может съесть голодный человек, особенно если он владеет концентрированным опытом тысячелетий!

Кроме продовольствия, в десантном ранце диверсант несет с собой четыре коробки саперных спичек, которые не намокают, горят на любом ветру и под водой. У него сто таблеток сухого спирта. Он не имеет права разжигать костер. Поэтому он греется и готовит пищу у огонька таблетки. Этот огонек точно такой же, как огонек спички, только более устойчив на ветру.

Есть в его ранце и два десятка других таблеток, медицинских. Это от всяких болезней и против отравлений.

А еще в десантном ранце – одно полотенце, зубная щетка и паста, безопасная бритва, тюбик жидкого мыла, рыболовный крючок с леской, иголка с ниткой. Расческу диверсант с собой не носит. Перед

выброской его стригут наголо – меньше голова потеет и волосы мокрые не залепят глаза. За месяц отрастают новые волосы, но не настолько длинные, чтобы тратить драгоценное место для расчески. Он и так много несет на себе.

Есть два варианта вооружения диверсанта: полный или облегченный комплект вооружения.

Полный комплект – это автомат Калашникова АКМС и 300 патронов к нему. Некоторые автоматы имеют дополнительно ПБС – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы и НСП-3 – ночной бесподсветный прицел. Во время десантирования автомат находится в чехле, чтобы не помешать правильному раскрытию парашюта. Чтобы в первый момент после приземления не оказаться беззащитным, каждый диверсант имеет бесшумный пистолет П-8 и 32 патрона к нему. Кроме того, на правом голенище висит огромный диверсионный нож-стропорез, а на левом голенище – четыре запасных лезвия для ножа.

Диверсионный нож – необычный. В его лезвии могучая пружина. Можно снять предохранитель, а затем нажать на кнопку спуска, и лезвие ножа с жутким свистом метнется вперед, отбрасывая руку с пустой рукояткой назад. Тяжелое лезвие ножа выбрасывается вперед на 25 метров. Если оно попадет в дерево, то вытащить его обратно не всегда возможно, и тогда диверсант вставляет в пустую рукоять новое запасное лезвие, всем своим телом наваливаясь на рукоять, чтобы согнуть мощную пружину. Затем предохранитель застегивается, и диверсионным ножом снова можно пользоваться, как обычным: резать людей и хлеб, пользоваться им как напильником или саперными ножницами-кусачками, прокладывая проход в проволочных заграждениях.

Если диверсант несет полный комплект вооружения, то вдобавок ко всему этому в его сумке шесть гранат, пластическая взрывчатка, мины направленного действия или другое тяжелое вооружение.

Облегченный комплект вооружения несут офицеры и солдаты-радисты. В облегченный комплект входит автомат со 120 патронами,

бесшумный пистолет и нож. Все это на складе выдает мне бывалый диверсант. Пистолет у меня настоящий. Я иду с группой диверсантов посредником. Я проверяющий, и потому мне не нужно стрелять. Но я тоже офицер разведки и тоже должен чувствовать вес автомата и патронов. Поэтому мой автомат учебный. Он такой же, как и боевые автоматы, но уже порядочно изношен и списан. В патроннике ствола просверлено отверстие и выбита надпись: «Учебный».

Я вешаю автомат через плечо. Носить учебный автомат с дыркой в патроннике мне не приходилось уже много лет. С таких автоматов начинают службу самые молодые солдаты и курсанты военных училищ. Тот, кто носит такой автомат, обычно является в армии объектом легких, незлых шуток. Я, конечно, не чувствую себя молодым и желторотым. Но все же в диверсионных войсках я совсем новый человек. И, получив автомат с дыркой, вдруг совершенно машинально решаю проверить, не подшутили ли надо мной старым армейским способом. Я быстро снимаю ранец с плеч, открываю его и из небольшого кармашка достаю ложку. В ложке, как и в патроннике автомата, просверлена дырка и красуется точно такая же надпись: «Учебная».

– Извините, товарищ старший лейтенант, – матерый диверсант делает смущенное лицо, – недосмотрели.

Ему немного жаль, что я в армии не первый день, знаю все эти древние подначки и проявил достаточно бдительности. Он вызывает своего помощника, совсем молоденького солдата, и тут же, при мне, отчитывает его за невнимательность. И он, и я понимаем, что молоденький солдатик тут не при чем, что учебную ложку мне подсунул сам сержант. Сержант приказывает учебную ложку немедленно выбросить, чтобы такая глупая шутка больше никогда не повторялась. Конечно, я понимаю, что ее не выбросят. Она будет служить еще многим поколениям диверсантов. Но порядок есть порядок. Сержант должен дать необходимые указания, а молодой солдат должен быть наказан. Сержант быстро достает другую ложку и подает мне. Шутка не удалась, но он видит, что я армейский юмор

понимаю, умею его ценить и не нарушу старых традиций криком: на розыгрыши и шутки в армии обижаться не положено. Он снова серьезен и деловит:

- Удачи вам, товарищ старший лейтенант.
- Спасибо, сержант.

2

Каждый в Советской Армии укладывает свой парашют лично. Это и к генералам относится: не знаю, прыгал ли Маргелов^[4], став генералом армии, но будучи генерал-полковником, – прыгал. Это я знаю точно. И, конечно, сам для себя парашют укладывал. Кроме Маргелова в воздушно-десантных войсках много генералов, и все прыгают. Кроме них десятки генералов в военной разведке, и те из них, кто прыгать продолжает, сами себе парашюты укладывают. Это мудро. Если ты гробанулся, то и вся ответственность на тебе на мертвом. А живые за тебя ответственности не несут.

Все парашюты хранятся на складе. Они уложены, опечатаны, всегда готовы к использованию. На каждом парашюте расписка на шелке: «Рядовой Иванов. Этот парашют я укладывал сам».

Но если нас поднимает не ночная тревога, если нас используют по плану, с полным циклом подготовки, то все парашюты распускают и укладывают вновь. И вновь каждый на нем распишется: «Этот парашют я укладывал сам».

Укладка производится в тех условиях, в которых придется прыгать. А прыгать придется на морозе, оттого и укладка тоже на морозе. Шесть часов.

Укладывает парашюты весь батальон. На широкой площади, отгороженной высоким забором от любопытных взглядов посторонних солдат.

Приготовили парашютные столы. Парашютный стол – это не стол вообще. Это просто кусок длинного брезента, который расстилают на

бетоне и крепят специальными колышками. Укладка идет в две очереди. Вначале вдвоем укладываем твой парашют: ты – старший, я – помогающий. Потом уложим мой парашют – ролями поменяемся. Потом уложим твой запасной, снова ты старший, а потом мой запасной, тогда старшим буду я. Некоторых из нас будут бросать не с двумя, а с одним парашютом. Но кому выпадет этот жребий, пока не ясно. И оттого каждый готовит оба своих парашюта.

– Начали.

Операция первая. Растянули купол и стропы по парашютному столу. В каждой роте есть офицер – заместитель командира роты по парашютно-десантной службе – зам по ПДС. Он подает всей роте команду. И он проверяет правильность ее исполнения. Убедившись, что все ее выполнили правильно, он подает вторую команду: «Вершину купола закрепить!» И опять пошел по рядам, проверяя правильность выполнения. У каждого за плечами большой опыт укладки. Но мы люди. И мы ошибаемся. Если у кого-нибудь будет обнаружена ошибка, то его парашют немедленно распустят, и он начнет укладку с самого начала. Первая операция. Правильно. Вторая операция... Рота терпеливо ждет, пока тот, кто ошибся, выполнит все с самого начала и догонит роту. Операция семнадцать. А мороз трескучий...

Вместе с батальоном укладку парашютов ведут офицеры разведотдела 13-й армии. Мы – проверяющие. Значит, и нам идти вместе с диверсантами неделями через снега...

3

Темнеет зимой рано. Мы полностью завершаем укладку уже при свете прожекторов в морозной мгле. Мы уйдем в теплые казармы, а наши парашюты под мощным конвоем останутся на морозе. Если их занести в помещение, то на холодной материи осядут невидимые глазу капельки влаги. А завтра их вновь вынесут на мороз, капельки

превратятся в мельчайшие льдинки, крепко прихватив слои перкаля и шелка.

Это – смерть. Вещь простая. Вещь, понятная даже самым молодым солдатам. А ведь случается такое, и гибнут диверсанты все вместе. Всем взводом, всей ротой. Ошибок, возможных при укладке и хранении, – сотни. Расплата всегда одна – жизнь.

Окоченевшей рукой я расписываюсь на шелковых полосках двух моих парашютов: «Старший лейтенант Суворов. Этот парашют я укладывал сам».

И еще на одном: «...укладывал сам».

Я разобьюсь, а виновного найдут. Это буду, конечно, я.

4

Мы греемся в приятном тепле казарм. Потом поздний ужин. А уже потом последние приготовления. Все уже пострижены наголо. Всех в баню, в парную. Погрейте, ребята, косточки, не скоро вам еще придется с горячей водой встретиться. Далеко за полночь – всем спать. Каждый должен выспаться на много недель вперед, каждому по десять часов сна. Все окна в казармах плотно завешены, чтобы утром никто не проснулся рано. Сон у каждого глубоким должен быть. Для этого небольшой секрет есть. Нужно лечь на спину, вытянуться и расслабить все тело. А потом нужно закрыть глаза и под закрытыми веками закатить зрачки вверх. Это нормальное состояние глаз во время сна. И приняв это положение, человек засыпает быстро, легко и глубоко. Поднимут нас очень поздно. Это не будет обычная резкая команда: «Рота, подъем! Построение через тридцать секунд!» Нет, несколько солдат и сержантов, которые не прыгают в этот раз, которые несут охрану рот, их вооружения и парашютов, будут тихо подходить к каждому и осторожно будить: «Вставай, Коля, время», «Вставайте, товарищ старший лейтенант, время».

Время. Время. Время. Вставайте, ребята. Наше время.

Глава 5

1

Сорок третья диверсионная группа 296-го отдельного разведывательного батальона СпН в своем составе имеет 12 человек. Я, офицер информации, иду с группой тринадцатым. Я – посредник, контролер действий группы. Мне легче всех. Мне не нужно принимать решений. Моя задача – в самые неожиданные моменты задавать вопросы то солдатам, то командиру группы, то его заместителю. У меня с собой лист с сотней вопросов. На многие из них я пока не знаю точных ответов. Мое дело – задать вопрос и зафиксировать ответ. Уже потом офицеры третьей группы под руководством подполковника Кравцова разберут, кто ошибся, а кто нет.

Диверсионная группа несет с собой две радиостанции типа Р-351М, аппаратуру засекречивания, аппаратуру сверхскоростной передачи сигналов.

Сегодня ночью будет произведена массированная операция по ослеплению радиолокационных станций 8-й танковой армии, против которой мы сейчас действуем. Одновременно с этим будет произведен массовый ракетный и авиационный удар по ее командным пунктам и скоплениям войск, и в ходе этого удара будут высажены двадцать восемь первых диверсионных групп нашего батальона. Группы имеют разные задачи и разный состав, от трех до сорока человек. Во главе некоторых групп – сержанты, во главе других – офицеры.

В последующие ночи будет производиться выброска все новых и новых групп. От трех до восьми групп каждой ночью. Выброска будет происходить в разных районах, с разных маршрутов, с разных

высот. Нас сегодня бросают со сверхмалой высоты. Сверхмалая – это сто метров. У каждого из нас только по одному парашюту. Раскрытие не свободное, а принудительное. Второй парашют на сверхмалой высоте вовсе не нужен.

2

Видели ли вы когда-нибудь в глазах человека настоящий животный страх? А я видел. Это когда на сверхмалой высоте с принудительным раскрытием бросают. Всех нас перед полетом взвесили вместе со всем, что на нас навьючено. И сидим мы в самолете в соответствии с нашим весом. Самый тяжелый должен выходить самым первым, а за ним чуть менее тяжелый, и так до самого легкого. Это делается для того, чтобы более тяжелые не влетели в купола более легких и не погасили бы их парашюты. Первым пойдет большой скуластый радист. Фамилии его я не знаю. В группе у него кличка Лысый Тарзан. Это большой угрюмый человечище. В группе есть и бойцы потяжелее. Но его взвешивали вместе с радиостанцией, и оттого он самым тяжелым получился, а потому и пойдет самым первым. Вслед за ним пойдет еще один радист по кличке Брат Евлампий. Третьим по весу числится Чингисхан, шифровальщик группы. У этой первой тройки очень сложный прыжок. У каждого из них с собой контейнер на длинном, метров в пятнадцать, леере. Каждый прыгает, прижимая тяжелый контейнер к груди, и бросает его вниз после раскрытия парашюта. Контейнер летит вместе с парашютистом, но на пятнадцать метров ниже его. Контейнер приземляется первым, после чего нагрузка на парашют становится меньше, и в последние секунды спуска скорость снижения парашютиста немного падает. Приземляется он прямо рядом с контейнером. От скорости и от ветра парашютист немного сносится в сторону, почти никогда не падая на свой контейнер. От

этого, однако, не легче. И прыжок с контейнером – очень рискованное дело, особенно на сверхмалой высоте.

Четвертым идет заместитель командира группы старший сержант Дроздов. В группе он самый крупный. Кличка у него Кисть. Я смотрю на его титаническую руку и понимаю, что лучшей клички придумать было нельзя. Велик человек. Огромен. Уродит же природа такое чудо! Вслед за Кистью пойдет командир группы лейтенант Елисеев. Он тоже огромный, хотя и не так, как его заместитель. Лейтенанта по номеру группы называют: 43–1. Конечно, и у него кличка какая-то есть, но разве в присутствии офицера кто-нибудь осмелится назвать кличку другого офицера!

А вслед за командиром сидят богатырского вида, широкие, как шкафы, рядовые диверсанты: Плётка, Вампир, Утюг, Николай Третий, Негатив, Шопен, Карл де ля Дюшес. Меня они, конечно, тоже как-то между собой называют за глаза, но официально у меня клички нет, только номер 43–К. Контроль, значит.

В сорок третьей диверсионной группе я самый маленький и самый легкий. Поэтому мне предстоит покинуть самолет последним. Но это не значит, что я сижу самым последним. Наоборот, я у самого десантного люка. Тот, кто выходит последним, – выпускающий. Выпускающий, стоя у самого люка, в самый последний момент проверяет правильность выхода и в случае необходимости имеет право в любой момент десантирование прекратить. Тяжелая работа у выпускающего. Хотя бы потому, что сидит он в самом хвосте и лица всех обращены к нему. Получается, что выпускающий как на сцене, все на него смотрят. Куда я ни гляну, всюду глаза диверсантов на меня в упор смотрят. Шальные глаза у всех. Нет, пожалуй, командир группы – исключение. Дремлет спокойно. Расслаблен совсем. Но у всех остальных глаза с легким блеском помешательства. Хорошо с трех тысяч прыгать! А тут только сто. Много всяких хитростей придумано, чтобы страх заглушить, но куда же от него уйдешь? Тут он, страх. С нами в обнимку сидит.

Уши заломило, самолет резко вниз пошел. Верхушки деревьев рядом мелькают. Роль у меня плохая: у всех вытяжные тросики пристегнуты к центральному лееру, лишь у меня он на груди покоится. Пропустив всех мимо себя, я в последний момент должен свой тросик защелкнуть над своей головой. А если промахнусь? А если сгоряча выйду, не успев его застегнуть? Открыть парашют руками будет уже невозможно: земля рядом совсем несется. Я вдруг представил себе, что валюсь вниз без парашюта, как кот, расставив лапы. Вот крику-то будет! Я представляю свой предсмертный вой, и мне смешно. Диверсанты на меня понимающе смотрят: истерика у проверяющего. А у меня не истерика. Мне просто смешно.

Синяя лампа над грузовым люком нервно замигала.

– Встать! Наклонись!

Первый диверсант, Лысый Тарзан, наклонился, выставив для устойчивости правую ногу вперед. Брат Евлампий своей тушей навалился на него. Третий навалился на спину второго, и так вся группа, слившись воедино, ждет сигнала. По сигналу задние напрут на передних, и вся группа почти одновременно вылетит в широкий люк. Хорошо им. А меня никто толкать не будет.

Гигантские створки люка, чуть шурша, разошлись в стороны. Морозом обожгло лицо. Ночь безлунная, но снег яркий, слепящий. Все как днем видно. Земля – вот она. Кусты и пролески взбесились, диким галопом мимо несутся. ПОШЛИ! Братцы! ПОШЛИ!!!

Хуже этого человечество ничего не придумало. Сирена кричит, как зверь умирающий. Рев ее уши рвет. Это чтоб страх вглубь загнать. А лица перекошены. Каждый кричит страшное слово: ПОШЛИ! Увернуться некуда. Напор сзади неотвратимый. Передние посыпались в морозную мглу. Поток ветра каждого вверх ногами бросает. ПОШЛИ!!! А задние, увлекаемые стадным инстинктом, тут же в черный снежный вихрь вылетают. Я руку вверх бросил. Щелчок. И вылетаю в морозный мрак, где порядочные люди не летают. Тут черти да ведьмы на помеле, да Витя Суворов с парашютом.

Все на сверхмалой высоте одновременно происходит: голова вниз, жаркий мороз плетью-семихвосткой по роже, ноги вверх, жуткий рывок за шиворот, ноги вниз, ветер за пазуху, под меховой жилет, удар по ногам, жесткими парашютными стропами опять же по морде, а в перчатках и в рукавах – снег горячий по локоть, и сразу таять начинает. Противно...

Парашюты в снег зарыли, какой-то гадостью вокруг посыпали. Это против собак. Вся местная милиция, КГБ, части МВД, – все сейчас тренируются. Все они сейчас против наших несчастных групп брошены. А у нас руки, считай, связаны. Если бы война, мы захватили бы себе несколько бронетранспортеров или машин, да и разъезжали бы по округе. Но сейчас не война, и транспорт нам захватывать запрещено. Драконовский приказ. Ножками, ножками. От собак.

Лыжи у нас короткие, широкие. Снизу настоящим лисьим мехом отделаны. Такие легко на парашюте бросать. Такие лыжи скользят вперед, а назад отдачи нет. Лисий мех дыбом тогда становится, не пускает. Лыжи эти диверсионные, часто следа не оставляют, особенно на плотном лежалом снегу. Они широкие очень, не проваливаются. Из таких лыж и избушку в снегу сложить можно – мехом внутрь, спите, ребята, по очереди. Но самое главное, лыжи эти не обмерзают, ледяной коркой не покрываются.

3

К утру выбились из сил. Три часа из района выброски уходили, следы путали. Куртки мокрые. Лица красные. Пот ручьями. Сердце наружу рвется. Язык вываливается, как у собаки на жаре. Это всегда так сначала бывает.

На четвертый-пятый день втянемся и будем идти как машины. Но первый день всегда тяжелый. Первая ночь и двое последующих суток – ужасны. Потом легче будет.

– Командир, в деревне собаки брешут. Не к добру. Значит, там чужие люди.

Это любому понятно. Кто в такой глуши, в такую рань деревенских собак потревожить мог?

– Обходить будем. Влево пойдем.

– Влево засада КГБ. Вон в том лесочке. Смотри, командир, птицы над лесом кружат.

Тоже правильно. Кто их в такой мороз с насиженных мест поднял? Птицы сейчас на ветках нахохлившись сидят, инеем покрытые. Туда идти, конечно, нельзя. Остается только путь через овраги, через бурелом, где добрые люди не ходят. Там только волкам дорога да диверсантам из частей СпН.

– Готовы? Вперед.

4

Нормы жестокие. Восемь километров в час. Вечер. Мороз силу набирает. За день прошли 67 километров. Отдыхали дважды. Пора бы и еще в снегу полежать.

– Ни черта, дармоеды, – командир подбадривает, – вчера спать надо было.

Злой командир. Группа маршевой скорости не выдерживает. Группа злая. Ночь надвигается. Плохо это.

Днем иногда группа может залечь в снегу, в кустах, в болоте и переждать. Но ночью этого никогда не случается. Ночь для работы придумана. Мы как проститутки – ночами работаем. Если днем не отдыхал, то ночью не дадут.

– Снег не жрать! – командир суров, – Сокрушу!

Это не ко мне относится. Это он Чингисхану и Утюгу угрозы шлет. Меня положение обязывает. Проверяющий. Нельзя мне снег в рот брать. А если бы не проверяющим я был, то обязательно тайком белой влаги наглотался бы. Горстями бы в глотку снег запихивал.

Жарко. Пот струйками по лбу катит. Хорошо, голова бритая, иначе волосы в один комок слиплись бы. Куртки у всех на спинах парят. Все потом пропитано, все морозом прихвачено. Одежда вся колом стоит, как из досок сшитая. Перед глазами оранжевые круги. Группа маршевой скорости не выдерживает... Не жрите снег! Сокрушу! Лучше вниз смотреть, на концы лыж. Если далеко вперед смотреть, сдохнешь. Если под ноги смотришь, дуреешь, идешь чисто механически, недостижимый горизонт не злит.

– Окорока чертовы! Желудки! – командир свиреп, – Вперед смотреть! В засаду влетим! Негатив слева огонек не заметил. Смотри, Негатив, зубы палкой лыжной вышибу!

Группа знает: командир шуток не любит. Вышибет. Вперед, желудки!

5

Над миром встает кровавая заря. В морозной мгле над лиловыми верхушками елей выкатилось лохматое, надменное солнце. Мороз трещит по просекам леса.

Мы в ельнике лежим. За ночь второй раз. Ждем высланный вперед дозор. Лица у всех белые, ни кровиночки, как у мертвецов. Ноги гудят. Их вверх поднять надо. Так кровь отливает. Так ногам легче. Радисты спинами на снегу лежат, ноги на свои контейнеры положили. Все остальные тоже ноги вверх подняли. После десантирования прошло уже более суток. Мы все время идем. Останавливаемся через три-четыре часа на пятнадцать-двадцать минут. За обстановкой наблюдают двое, и двое выходят вперед, остальные ложатся на спины и засыпают сразу. Карл де ля Дюшес запрокинул спящую голову, из-под расстегнутой его куртки медленно струится пар. Аккуратно вырезанная снежинка медленно опустилась на его раскрытое горло и плавно исчезла. Мои глаза

слипаются. Под веки словно золы насыпали. Проморгать бы, да и закрыть их, и не раскрывать минут шестьсот.

Командир группы подбородок трет: нехороший признак, мрачен командир. И заместитель его Кисть мрачен. К узлу связи танковой армии шли одновременно с разных сторон пять диверсионных групп. Приказ прост был: кто до трех ночи к узлу связи доберется, тот в 3:40 атакует его. Те, кто к условному времени не успеет, в бой не вступают, обходят узел связи большим крюком и идут к следующей цели. Наша 43-я группа ко времени не успела. Потому мрачен командир. Вдали мы слышали взрывы и стрельбу длинными очередями. В упор били, значит. С нулевой дистанции. Ко времени успели минимум три группы. Но если даже и только одна группа ко времени успела, сняла часовых и появилась на узле связи в конце холодной уютной ночи... О, одна группа многое может сделать против узла связи, пригревшегося в теплых контейнерах, против очкастых ожиревших связистов, против распутных телефонисток, погрязших в ревности и блуде. Жаль командиру, что не успели его солдаты к такой заманчивой цели. Знает командир наверняка, что группа лейтенанта Злого уж точно ко времени поспела. Наверное, и старший сержант Акл своих молодцов вовремя успел привести. Акл – это Акула значит. У старшего сержанта зубы острые, крепкие, но неровные, вроде как в два ряда. За то его Акулой величают. А может, не только за это. Скрипит командир зубами. Ясно, он сегодня группе расслабляться не позволит. Держитесь, желудки!

6

Спим. Идет одиннадцатый день после выброски. Днями поднять головы невозможно. Вертолеты в небе. На всех дорогах кордоны. На опушке каждого леса – засада. Появилось много ложных объектов: ракетные батареи, узлы связи, командные пункты. Диверсионные группы выходят на них, но попадают в ловушку. Батальон уже

потерял десятки своих диверсионных групп. Мы не знаем сколько. Каждую ночь нам бросают посылки с неба: боеприпасы, взрывчатку, продовольствие, иногда спирт. Такое внимание означает только одно: мало нас осталось. За эти дни наша группа нашла линию радиорелейной связи, ранее не известную нашему штабу. По ориентировке приемных и передающих антенн группа нашла мощный узел связи и тыловой командный пункт. Тогда на пятый день операции группа впервые вышла в эфир, сообщив о своем открытии. Группа получила благодарность лично от командующего 13-й армии и приказ уходить из этого района. Наверное, его обработали ракетами или авиацией.

На седьмой день группа объединилась с четырьмя другими, образовав диверсионный отряд капитана по кличке Четвертый Лишний. Отряд в полном составе успешно атаковал аэродром прямо днем, прямо во время проведения взлета истребительного авиаполка. Отряд без потерь ушел от преследования и рассыпался на мелкие группы. Наша 43-я временно не существовала, превратившись в две – 431-ю и 432-ю. Теперь они вновь объединились. Но работать активно пока не удастся: вертолеты в небе, кордоны на дорогах, засады в лесах, ловушки у объектов. А все же мы свое дело делаем: 8-я танковая армия парализована почти полностью, и, вместо того чтобы воевать, она ловит нас по своим тылам.

День угасает. Никто нас днем не тревожил. Отдохнули. Нашу группу пока не накрыли, ибо командир хитер как змей. Змеем его, оказывается, и зовут. Он нашел склад боеприпасов наших врагов, у этого склада мы проводим дни. Тут у нас и база, все тяжелое снаряжение тут свалено. А по ночам часть группы налегке уходит далеко от базы и там проводит дерзкие нападения, потом на базу возвращается. Все группы, которые по лесам непроходимым прятались, давно уже уничтожены. А мы пока нет. Трудно нашим противникам поверить и понять, что наша база прямо под самым

носом спрятана, и потому вертолеты нам не докучают. А с засадами и кордонами надо быть просто осторожным.

– Готовы, желудки?

Группа готова. Лыжи подогнаны, ремни проверены.

– Попрыгали.

Перед выходом на месте прыгать положено, убедиться, не гремит ли что, не звенит ли.

– Время. Пошли.

7

– Слушай, Шопен, представь себе, что мы на настоящей войне. Заместитель командира убит, а у командира прострелена нога. Тащить с собой – всех погубишь, бросить его – тоже смерть группе. Враги из командира печень вырежут, а говорить заставят. Эвакуации у нас в СпН нет. Представь себе, Шопен, что ты руководство группой принял, что ты с раненым командиром делать будешь?

Шопен достает из маленького карманчика на рукаве куртки шприц-тюбик одноразового действия. Это «блаженная смерть».

– Правильно, Шопен, правильно. На войне у нас единственный способ выжить: убивать своих раненых самим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«КОНТРОЛЬ»

ВИКТОР СУВОРОВ АКВАРИУМ

Примечания

1

Чтобы не навредить друзьям и сослуживцам, свои книги я писал под псевдонимом, который решил никогда не раскрывать (подробнее об этом читайте в предисловии к роману «Аквариум»). В конце августа 1991 года, сразу после провала военного переворота в Москве, мой псевдоним впервые раскрыл начальник ГРУ, назвавший меня полковником. Прошло полгода, и новый начальник ГРУ назвал меня майором (см. следующие цитаты). Прошло еще полтора года, и бывший резидент ГРУ в Женеве назвал меня капитаном. Тенденция налицо. Если так пойдет и дальше, через некоторое время в прессе, вероятно, выступит бывший младший шифровальщик женевской резидентуры и назовет меня ефрейтором. – *Прим. автора.*

[Вернуться](#)

2

Это очень примечательное интервью: в нем, как в капле воды, отразилось состояние правящей верхушки Советского Союза в первые дни после поражения августовского путча. Интервью было опубликовано под издевательским заголовком «ГРУ: в “Аквариуме” меняют воду?». Это был первый случай в истории ГРУ (и, возможно, последний), когда начальник этой организации отвечал на вопросы журналиста в своем кабинете в здании штаб-квартиры ГРУ – в «Аквариуме». Только что были арестованы члены ГКЧП, митингующие москвичи демонтировали памятник Дзержинскому на Лубянской площади, приостановлена деятельность КПСС, а ее имущество стало государственной собственностью России. Кажется,

что руководители СССР находятся в состоянии шока. Интервью очень похоже на допрос с пристрастием: журналист, ничуть не стесняясь, задает начальнику одной из самых могущественных разведывательных организаций мира такие вопросы, которые еще месяц назад казались немыслимыми, а тот, словно оправдываясь, прилежно отвечает на них, как нашкодивший школьник, пытающийся угодить учителю:

– Основные задачи ГРУ?

– У нас только военная разведка. <...>

– Запчасти к “Стингерам” – ваше дело?

– Так точно. Наше дело. <...>

– Давно ли вы на должности начальника ГРУ?

– Четыре года. Я не профессиональный разведчик, я чисто войсковой товарищ. <...>

– А теперь традиционный вопрос: что вы делали во время переворота?

– 19 августа меня отозвали из отпуска. Я приехал и доложил, что нахожусь здесь. Кстати, а двадцатое, и двадцать первое августа я провел на работе, никуда не выходил. У нас была спокойная обстановка, занимались, как обычно, своей разведывательной деятельностью за пределами Советского Союза, а не внутри его – это не наша обязанность.

Владлен Михайлович Михайлов, возглавлявший ГРУ с 1987 года, был уволен с должности начальника ГРУ через два месяца после того, как дал это интервью. – *Прим. автора.*

[Вернуться](#)

3

Через полгода после этой публикации новый начальник ГРУ генерал-полковник Е. Л. Тимохин назвал меня майором (см. отзывы о романе «Аквариум» на первых страницах этого издания). Прошло еще полтора года, и бывший резидент ГРУ в Женеве капитан 1-го

ранга Валерий Калинин назвал меня капитаном. Тенденция налицо. Если так пойдет и дальше, через некоторое время в прессе, вероятно, выступит бывший младший шифровальщик женевской резидентуры и назовет меня ефрейтором. – *Прим. автора.*

[Вернуться](#)

4

Василий Филиппович Маргелов (1908–1990) – генерал армии, командующий советскими Воздушно-десантными войсками в 1954–1959 и 1961–1979 годах, Герой Советского Союза. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)